

НАВКЛЕР ВИАЛ

КНИГА

РАССЕЧЕННЫЙ МИР

АЛЕКСЕЙ ЕГОРОВ

16+

Алексей Егоров

Навклер Виал 5: Рассеченный мир

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Егоров А.

Навклер Виал 5: Рассеченный мир / А. Егоров — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-06610-6

Разделяющее народы море равнодушно к людям. Но люди неравнодушны к морю: воды становятся дорогами, приносят богатства, приводят к гибели: болезни, войны, знания несутся по жестоким водам. Виал Косс верит, что вернется во главе флотилии, неся отечеству славу и процветание, посрамит данаев, отберет порта и гавани у тиринцев. Вернет друзей с края мира. Эгрегий ищет ответов в прошлом. Хенельга, направляет его и следует за ним. Он не сможет вернуться и занять свое место среди соотечественников в родном порту. От прошлого не осталось ничего. Существует лишь путь.

ISBN 978-5-532-06610-6

© Егоров А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	28
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Глава 1

В холмистой местности, что расположена на запад от виорентского диолка, находились двое. Их лодка была внизу, почти разбитая волнами. Награбленные вещи разметали гневные волны. Море старалось забрать взятое железом как дар богам подводного мира. Люди же пытались урвать свой кусок.

– Что ж, мы вновь стали нищими, – сказал один, глядя на свое имущество.

– Поблизости города, у нас есть на продажу вещи, – ответил его спутник.

Эти двое так не похожи: один крупный, смуглый и уже в возрасте, а другой словно обугленный ствол дерева, стройный и юный. У них разные пути, лишь на краткое время они столкнулись.

– Сам знаешь, как данаи любят чужаков.

– Разве у нас есть выбор?

– Попробую отбить лодку. Я клялся отдать ее храму.

Спутника он не просил о помощи. От парня мало толку в подобных делах.

– Волны уже уносят ее, – был ему ответ. – Так или иначе, но твой бог заберет принадлежащее ему.

– Это иное. Я обязан отдать то, что поклялся. В общем, выбора у нас нет.

Пришлось бросить лодку со всем имуществом, когда поблизости показался десяток местных. Это были не данаи, с которыми они привыкли иметь дело. Народ, населяющий эти холмы, известен воинственностью. Звали их ладены, а люди, что оказались в их землях – Косс Виал и Мустиф.

Сражаться с ладенами в открытую Виал не решился, потому отвязал лодку и пустил ее по волнам. Аборигены не стали преследовать чужестранцев, ведь легкая добыча могла достаться морю. Чужакам деваться некуда, рано или поздно попадутся, а вот имущество может уйти, достанется морю.

Виал предполагал подобное, потому не слишком обеспокоился. Пусть ладены возьмут его вещишки и доставят в полевой лагерь. Скорее всего они расположились где-то поблизости, кроме этого десятка, вооруженного копьями и топорами, в лагере будет еще несколько человек.

По расчетам Виала аборигенов должно быть два с половиной десятка. Обычно столько людей сидят на веслах пиратского корабля ладенов. Считать Виал умел, потому что был торговцем из Циралиса. И пиратский быт знал, потому что сам занимался грабежом. Эти две профессии не исключают друг друга, а дополняют.

Люди моря обязаны быть суровыми, меняться так же легко, как меняются волны под действием ветров.

– Пойдем, нам надо пройти на запад, – Виал толкнул Мустифа.

– Может, на север? В холмах проще скрыться.

Виал пожал плечами и не ответил. Если парень так хочет идти на север, так пусть. Пусть идет хоть в ближайший город, в Истим. А там сдастся, ведь по наружности этот парень явно не данай, а значит – раб. Для местных все чужестранцы являются рабами. Если не могут постоять за себя.

Мустиф предпочел остаться с торговцем. Он привык, что этот человек редко раскрывает замыслы.

Чужаки не скрываясь пошли на запад. У берега было полно тропинок, проложенных среди выгоревших скал. Колючие кустарники защищали склоны от оползней, но весной и зимой дожди сметают слабые растения, разбивают тропы. Дороги тут не проложить. Ни одна

крупная армия не пройдет. Потому ладены сохранили свой образ жизни. Лишь блокада побережья вынудила их пойти на союз с северным соседом, с крупнейшим полисом Виорентом.

Вряд ли пиратские цари рады подобному союзу.

Виал полагал, что это можно использовать. Для начала следовало вернуть вещи, любезно одолженные той группе.

Дальше на запад поднимались горы, неприступные ни для пеших, ни для конных. Единственный путь был только на судне, вдоль побережья: либо южного пути, кишашего пиратами; либо северного через залив, канал и шлюзы, где процветают грабители иного рода.

Местность казалась пустынной, оставалась невозделанной. Чахлые деревца давали редкую тень. В полдень жаркое солнце загоняло людей под тень. Окрестности вымирали, даже насекомые прятались от чудовищного жара. Море соленым дыханием отравляло почву, лишая эти камни последних возможностей дать урожай.

Виал знал, что в окрестностях находится один из входов в подземный мир, в Бездну. Точнее в ту ее часть, где горит вечное пламя, страдают души тех, кто при жизни творил ужасные вещи. Подобная участь ожидает если не всех, так многих людей. Хотя бы этих ладенов, но их это, похоже, ничуть не беспокоит.

Сам Виал не беспокоился. Жар Бездны ему не грозит, ведь судьба его отправиться в подводный дворец Хозяина вод, грозного Мефона. Не только торговец, не только пират – Виал был членом культа. Не жрец и не послушник. Как и коллеги из торгового союза.

Где конкретно находится вход в бездну, Виал не знал. Он бы хотел поглазеть на дыру в земле, откуда поднимается сернистый пар, а пролетающие над ней птицы умирают и падают на землю. Слишком много работы предстоит, чтобы праздно шататься.

Тропа уводила на север, пересекалась с другими. Наверняка по одной из них можно выйти к столице царства ладенов, городу-крепости Темину. Кроме этого укрепленного поселения в округе должно находиться еще несколько пиратских крепостей. Полисами назвать их нельзя, ведь крепости не имеют сельскохозяйственной округи. Да и для жизни мало приспособлены. Скорее это вроде пещеры, где пираты складывают добычу. А так же рынок.

Кто там торгует, Виал знал. Наверняка торговцы из Виорента. Вот откуда на полуострове такая армия рабов. Ладены вынуждены за бесценок продавать добычу, связанные жесткими договорами с соседом.

И на этом тоже можно сыграть.

Виал старался не отходить от побережья, то приближался к воде, то поднимался на холмы. Группа пиратов вряд ли устроила лагерь далеко. На чужаков они натолкнулись не случайно, наверняка пасли их уже несколько дней. Виал скорее чувствовал, нежели видел разведчиков. Опыт, все-таки.

Обнаружить лагерь удалось не сразу. Опытные пираты хитро маскировали место, где оставили судно. Скорее Виал угадал, где оно находится, чем увидел. Не было ни дыма, ни следов пребывания человека. На песке нет следов от вытащенного на берег судна, а корабль спрятан в одном из гротов, во внутренней части берега.

Это обжитая стоянка, со стороны казавшаяся пустынным берегом. Виал нашел ее лишь по той причине, что сам бы тут устроился.

Ошибся он только в одном. На судне было не два десятка человек, а гораздо больше. Больше полусотни. И корабль у них длинный.

– Ребята в два отряда дежурят, – хмыкнул Виал.

Мустиф не замечал ничего, кроме отдельных людей, изредка появляющихся из грота.

– С чего ты решил?

Он насчитал не больше десятка человек. Даже этих десяти слишком много для двух иноземцев. Точнее, для одного.

– Грот большой, – внезапно начал объяснять Виал. – Нецелесообразно останавливаться там малому судну. А раз большое судно, то больше полусотни. Такой отряд утяжелит корабль. Пиратам нужна скорость, маневренность. Абордаж не всегда эффективен, порой они просто грабят. Пока бойцы отвлекают моряков, другая часть команды уносит добычу...

Объясняя, Виал размышлял, как поступить. Большой отряд наверняка возглавляется важным человеком. Не навархом пиратского воинства, но все равно важным человеком, из знатных, скорее всего.

– Придется уходить, – покачал головой Мустиф. – Ты их не сможешь застать врасплох.

– А я и не собирался, – удивился Виал. – Это не данай, поселенцы. Ладенов не так просто обхитрить.

– Тогда что же ты собирался делать?!

Теперь удивился Мустиф. Ответ Виала ему не понравился. Торговец собирался поговорить с жестокими пиратами. Идти войной даже на малый отряд бессмысленно, а скрыться среди холмов, принадлежащих ладенам не удастся. Виал собирался договориться с ними. Заодно ближе познакомиться с теми, о ком слагают легенды.

– Я не пойду вниз!

– Можешь оставаться. Попытай счастья, но лучше топай на восток. Не все ли равно, как попадешь в колодки.

Парень сомневался. То ли отправиться вместе с торговцем, то ли затаиться. Или лучше сразу бежать на север? Виалу все равно. В переговорах Мустиф ему не помощник, хотя он и знает много языков. Не это его сильные стороны.

Виал не оставил парню оружия. Все равно без надобности. Но и готовиться к бою торговец тоже не начал. Топорик оставался в чехле. Виал спускался, опираясь на копье. За спиной висело несколько дротиков, но завязки на чехле не были ослаблены. Все это оружие, одежда и припасы были взяты у данаев по пути. Со стороны чужак выглядел как данай: бородач, в длинной тунике и с оружием данаев.

Он был пришельцем с запада, из Гирции.

Ладены должны знать, кто эти люди. Наслышаны об их подвигах, воинской доблести и негибаемом духе.

Появление чужака на берегу не осталось незамеченным. Виал отметил, что в темноте грота зашевелились. Никто не выполз на свет, но десятка два вооружились дротиками и луками.

Одиночка явно не случайно появился на берегу. Он мог быть разведчиком большего отряда, что скрывался поблизости. Ладены изготовились к бою, но не спешили нападать, выбрав выжидательную тактику.

Не дойдя десятка шагов, Виал остановился. Стрела, ударившая в песок, послужила предупреждением.

Из грота появился широкоплечий человек, лицо в шрамах, а в бороде седые пряди. Один из опытных воинов, готовый рискнуть жизнью, лишь бы показать свою удаль. Не командир, один из ветеранов.

В отличие от военных судов на пиратских порядки проще. Эти люди больше индивидуалисты, предпочитают демократичное управление в отряде. Не во время похода, конечно. Так что этот ветеран вполне может метить на место руководителя отряда.

– Ты кто? – спросил пират, остановившись в двух шагах.

Брони он не носил, лишь широкий пояс защищал живот. Короткий меч ожидал в ножнах. Пират не удосужился надеть даже тунуку, как и многие воины морей, некоторые ладены предпочитали идти в бой вообще без одежды.

Пират обратился к чужаку на языке данаев. На лице ладена читалось сомнение, ведь чужак лишь частично напоминал даная.

– Я за своим имуществом пришел. Да и поговорить с вождем.

Виал отвечал на родном языке. Заодно решил проверить, известен ли гирцийский пирату. Язык знаком пирату, но смысл он едва ли уловил.

– Среди вас гирцийским кто-нибудь владеет? Не хочу грязнить рот речью данайских собак.

Окончание фразы ладен понял. Данаев они не любили.

Сложно найти на свете народ, которому данаи понравятся. Хотя среди гирцийской знати последнее время популярно учиться в крупнейших городах данаев – в Тритоении или в Пифене, познавать их культуру, мудрость и все остальное. Для людей вроде Виала это все блажь.

Пират размышлял, как поступить. Вроде бы бить иноземца не за что, но ведет он себя слишком самоуверенно. Глядишь, не так прост. Да еще этот наряд, язык западных варваров. Слишком все это сложно для ума пирата, потому он решил, что с пленником пусть разбирается вожак. Не велика добыча.

Кивнув, пират пригласил чужака проследовать за собой. Виал пошел за провожатым, чем еще больше его удивил. Обычно пленники так себя не ведут, стараются сбежать при первой же возможности.

Вход в грот был большим, там в шеренгу могли разместиться пять человек. Удобно для тех, кто собирается защищаться. Как и полагал Виал, внутри была искусственная гавань, где находился длинный пиратский корабль. Борта его подпирали брусья, чтобы корабль не заваливался, но часть киля находилась в воде.

Обычная практика, высушенное судно легче, чем то, что долго находится в воде. В таком методе стоянки тоже есть свои преимущества, а скоростные показатели у пиратского корабля и без того большие.

Судно находилось в тени, его едва видно, но Виалу этого хватило для оценки.

Корабль быстр, прекрасен и отличается от флотских судов. Судно рассчитано не на сражение, а на захват добычи. Слово ястреб, чтобы падает с неба на мелкую дичь. Волков или медведей ястреб не рискнет трогать, зато при его виде разбегаются мыши.

Виал улыбнулся. У него подобного судна нет.

В воде пиратский корабль ладенов должен сидеть низко. Высокие волны для него угроза. Большая длина и низкие борта делают этот корабль уязвимым перед стихией. Потому Виал подобными кораблями не пользовался. Это не значит, что он свысока смотрел на ладенов.

Просто в их ремесле такая конструкция уместнее. От берегов они далеко не отходят, в ближайших морях полно островов, где можно укрыться и спрятать добычу. А опыт и удача помогают пересекать водные просторы.

В пещере находилось много людей. Виал не успел их сосчитать. Пираты расположились вокруг пяти костров, на которых в котелках готовилась пища. Они не спешили, отдыхали и наслаждались мгновениями покоя. Их добыча еще в открытом море, не пришло время выводить судно из укрытия.

Где находился выход для судна, Виал только догадывался. Быстро вывести его едва ли удастся, придется разбирать каменный завал. На это уйдет час или два. Не слишком эффективно, зато убежище становится неприступной крепостью.

Больше всего ладены боялись не чужаков, а своих же соплеменников. Им-то известно, где находится корабельная стоянка.

Пираты глазели на чужака, не поднимались с места, чтобы поприветствовать его. Десяток лучников, что держали наготове оружие отступили в стороны, продолжая оглядывать побережье. Появление чужака могло означать, что в округе находится крупный отряд. Вряд ли, конечно, пираты бы не проглядели появление чужого судна, но всякое бывает.

Вожак расположился в дальнем конце грота, ближе к корме судна. Тут же складывали добычу, на что указывала плоская площадка. Тысячи подошв вытоптали ее. Похоже, еще деды ладенов прятали тут награбленное.

Свита у вожака была небольшой – всего трое. Один из них был кормчим, другой начальником гребцов, а третий просто доверенным человеком, а так же телохранителем. Одежда самая простая, без украшений и серого естественного цвета. Но поодаль, рядом с шатром лежали кожаные нагрудники, шлемы и оружие. Часть припасов находилась тут же.

В отличие от торговых судов, пиратский навклер не заставлял команду сдавать оружие после боя. Лишить воина главного инструмента ремесла, значило, опозорить его. Вооруженная команда – это всегда риск бунта, но в тоже время подобное положение позволяло сохранять демократичные порядки на судне.

– Хайре, – приветствовал Виал ладена.

Это приветствие принято среди всех народов Поллиэтии, пусть не все люди относят себя к племенам данаев. Те же ладены считают себя исконными жителями полуострова. Пришлые данаи заставили их потесниться, согнали из плодородных долин, но так и не смогли покорить.

– Хайре, чужестранец, – ответил навклер ладенов на-данайском.

Был он молод, лицо обветренное с густой бородой, как у всех мужей. Только юнцы могли порадовать видом блестящих щек. Светлые волосы ладены не стригли, собирали их в косы. Перед боем, насколько Виал знал, ладены мылись, умащивали тело и приводили волосы в порядок. Чтобы встретить смерть достойно.

Руки и плечи навклера были мощными, хотя и не такими, как у его начальника гребцов. В отличие от офицеров, навклеру не так часто приходилось брать в руки весло. Его тренировки заключались в упражнениях с кривым ладенским мечом и копьем.левой рукой он держал тяжелый овальный щит.

– Я прибыл из Гирции, потому предпочел бы говорить на языке предков.

Ладен приподнял бровь, явно удивившись. Он кивнул, тоже предпочитая общаться на любом другом языке.

Пират, что привел чужака к начальнику, не уходил. Прогнать его навклер не посмел, так что разговаривая на гирцийском, они могли сохранить приватность.

– Как ты знаешь, быть может, мой народ предпочитает сразу к делу переходить, – Виал присел у костра, не дожидаясь приглашения.

– Хорошая черта.

– Но говорить мы обучены. У меня есть несколько претензий к данаям. Особенно тем, что обитают к северу и северо-востоку от вас. Прекрасный канал, лишивший вас добычи, да могучий флот, который спрятали на востоке.

– Ты так и не назвался.

– Не вижу в этом необходимости пока. Ведь мы не договорились. Еще не договорились. А если ты решишь отправить меня на рынок, так смысл мне называть свое имя?

– Верно. На рынке тебе дали бы другое имя.

– Мне необходимо на запад. На родину. Сделать я это могу, пройдя через ваши моря.

– Путь на север тебе не доступен? – заинтересовался ладен.

– Когда твои люди пригонят сюда мою лодку, ты поймешь почему.

– Мои люди захватили тебя?

Виал усмехнулся. Он всего лишь позволил пиратам взять его добро. Объяснил, что только так смог бы сохранить все. Ведь пираты не начнут дележ добычи, пока не пригонят лодку в лагерь.

А раз Виал сюда направлялся, так зачем мешать пиратам самим выполнить сложную работу. Право же в лодке не было ничего такого ценного, что стоило бы прихватить с собой. Не считая оружия и невольного товарища.

– Идя по воде, я бы не нашел ваш лагерь.

– Разумно поступил, если не врешь, чужеземец, – против воли ладен улыбнулся.

Хитрость иноземца ему понравилась. Для продажи на рынке он слишком стар, зато пригодился бы на судне. Судя по рукам и оружию, этот человек умеет сражаться.

– Мне знаком ваш промысел, – Виал угадал мысли ладена, – хотя ранее я с вашим народом не встречался.

– Зато я повидал достаточно гирцийцев. И тех, кто задирает нос, оставаясь в кандалах, и тех, кто молит о пощаде. Ты не напоминаешь ни одного из них.

– Мое ремесло вынуждает быть гибче. Я такой же воин моря, как и вы.

– Пират? Все, живущие морем мужи, становятся гибче. Ваше же племя радуется суше. Ты больше похож на дикого осла, привычного к горам своего отечества.

– Мы не лягушки, не спорю, – Виал пожал плечами, – но и морского промысла не чужды. А то, что меня прозывают онагром, то правда. Не из-за внешности, ты еще узнаешь.

Ладен усмехнулся, поднял руку.

– Налейте моему гостю вина! Принято путников встречать угощением.

Офицеры едва ли понимали треть из беседы, но приказ начальника был ясен. Виалу принесли вина, разбавленного соленой водой. Напиток был холодным, явно амфоры хранились в глубине грота. Горькая и терпкая жидкость принесла облегчение. Все, что добыл Виал, осталось в лодке. С собой у него не было никаких припасов.

– Я не один, как ты наверняка желаешь спросить, – утолив жажду, сказал Виал. – Но со мной только один спутник. Если твои товарищи решат обыскать местность, прошу не слишком усердствовать. Тот парень мог уйти на север, опасаясь вас.

– Учтем.

Навклер объяснил начальнику гребцов ситуацию. Тот поднялся и направился к выходу, взяв пятерых. Виал испытывал угрызения совести, подставив Мустифа, но это для его же блага. Парень точно попадет, тогда встреча с добрыми пиратами не покажется ему приятной.

– Смелый поступок, признаться, что ты один, – заметил ладен.

– Всего лишь разумный. Ведь ты сделал подобный вывод сразу, как меня увидел.

Ладен кивнул, а Виал продолжал играть на его чувствах.

– При любом раскладе я остаюсь в выигрыше. Оказавшись в твоей команде я задержусь на время. Дело свое я смогу выполнить.

– И что же это за дело?

– Ты знаешь. Конечно. Флот данаев. Две сотни судов боевых, еще столько же вспомогательных. Мне необходимо передать эти сведения домой. Так или иначе я смогу это сделать.

– Зачем же мне позволять тебе это.

– А почему нет? – Виал пожал плечами.

Объяснять ничего не стал, пусть пират сам составит подходящий ответ. Так выгодней работать, чем откровенно врать.

Возможно приняв некое решение, пират не озвучивал его. Виал знал, что в подобных ситуациях решение принимают быстро и сразу. Все остальное это пляски вокруг.

– Так куда же ты намерен податься, гирциец?

– В родной город. Куда же еще мне идти.

Никаких откровений, пока пират сам не представился. Виал не собирался раскрывать карт. В Гирции есть один Город, отчий дом для всех свободных граждан. Для ладена достаточно помнить об этом.

Усомнился он только в том, что сведения одного человека так важны. Виал не возражал. Разведывательную информацию поставляют из разных источников. Одному источнику никогда не доверяют. Только совокупность сообщений поможет создать цельную картину.

К тому же Виал был хорошим воином и корабельщиком. Отечеству нужны не только его сведения, но и таланты.

– А если твои таланты потребуются мне? – задал ладен каверзный вопрос, – ведь тебе придется с нашей братией идти в бой против твоих соотечественников. Готов ли ты стать предателем?

– Разве может быть предательством то, что от человека требовали силой.

– Так я тебя не заставлял.

– А выбор? Либо примкнуть к отряду, либо на рынок рабов или на алтарь. Так или иначе, но ты силой заставляешь сделать выбор.

– В этом мире все решается силой.

– Не только в этом, в подземном и надземном мире тоже правит сила. Так повелось с древних времен.

Ладен улыбнулся, отметив, что подобные представления сейчас мало кто поддерживает. Люди хотят верить, что загробный мир будет лучше, чем этот. Ничем не обоснованное утверждение на его взгляд. Беседа явно нравилась пирату, как впрочем, и этот чужак. В лице гирцийца он видел не простого рубаку, но хитрого и умного воина. Такого же, как он сам. А еще лучше, что этот воин не заинтересован в том, чтобы лишить вождя пиратов власти. Только с таким человеком можно поговорить по душам.

А Виал этим пользовался, с легкостью применяя все навыки, которыми обзавелся в странствиях. Школьные науки тут мало помогали, хотя знание эпической поэзии всегда пригождаются в разговоре. Ладен знал намного больше древних трагиков, что так же указывало на его социальный статус. Зато Виал пользовался многолетним опытом.

– Что же мы до сих пор не распили чашу? – удивился ладен, словно это гость проявил неуважение. – Друзья, принесите нам серебряный кратер, кувшин с холодной водой и лучшего вина, что мы взяли намедни!

Было исполнено. Помощник навклера смешал вино с водой, разлил его по праздничным чашам. Виал оценил керамику, на которой был изображен излюбленный пиратами миф, как бог превращает похитивших его разбойников в дельфинов. Не худшая участь для жнецов моря.

– Пусть подобная участь будет худшей из возможных, – озвучил Виал, а потом плеснул вина на каменистый пол.

– Я бы предпочел до старости промышлять, пока не почувствую слабости в руках, – улыбнулся навклер, повторив приношение.

– Никто из нас не спешит, но уйти придется. Можешь запомнить меня, как Косса Виала из славного города Циралиса.

– Не мне по тебе слагать песни и не тебе горевать над могилой Китора сына Пагаса, чей род происходит из Фесм. Мне знаком твой город, хотя не бывал в нем ни разу. Деды рассказывали.

Виал кивнул, признавшись, что тоже слышал о Фесмах. Город расположенный где-то на запад от Темина. Основан в стародавние времена выходцами с севера, народом древних. В былые времена Фесм являлся крупной крепостью ладенов. Миновали времена былой славы. Как полагали в Гирции, жители этой крепости перебрались на запад, осели на юге полуострова. Как раз в тех местах, где находится Циралис.

Подобное совпадение казалось невозможным, но по легендам прошли века, прежде чем потомки двух народов случайно столкнулись в пещере на берегу. Ветви народов, бегущих от гибели с севера основали поселения на юге, в Обитаемых землях. И хотя Циралис был основан относительно недавно, на этом месте издревле существовало поселение.

– Кто же ты, Косс из рода Виалов, – спросил Китор, нагибаясь над огнем. – Род твой пришлый в землях Гирции?

– Всего лишь торговец из коллегии Циралиса. Мой отец, мой дед занимались этим ремеслом. Море забрало их тела, оставив потомкам лишь память.

– Знакомая история, не ты один ее можешь рассказать, – сказал ладен, вспомнив о потерянных предках. – Ты ведь не из госов? Племена, что на юге Гирции обитает.

– Это вряд ли, – Виал покачал головой, – мои предки пришли с востока. Давно уже.

– И в давние времена мои предки покинули родину. Данаи разрушили наши дома, забрали плодородные долины. Но не смогли забрать наши плуги, коими мы бороним морские просторы.

– Ваш народ славился всегда умелыми мореходами.

– Как ваш, выходцев из Циралиса. Я встречался с твоими коллегами. Умелые бойцы, не так-то просто с ними договориться.

Китор явно пытался прочесть эмоции собеседника, но у него ничего не получалось. Замечание ладена Виал воспринимал спокойно, зная, о чем он.

Вино и огонь согревали собеседников, которым некуда спешить. Судно лишь с заходом солнца покинет безопасную гавань, подгоняемое попутным ветром.

Не дождавшись ответа, Китор спросил:

– Будь у тебя возможность предлагать, чтобы ты сказал?

– Союз. Очевидно же. Не Государства с твоим народом, а коллегии с тобой. У меня не столь велико звание, чтобы обещать тебя союз с городом.

– Честное признание. В чем выгода этого союза?

– Суда. Товары. Свобода.

– Твой народ кричит везде о своей исключительности, о том, что рожден править. Где же обещанная свобода?

– Наше правление не помешало данаям построить флот.

– Лишь как повод для войны! – Китор всплеснул руками. – Прав таких вы не давали.

– И не дадим. Ни тебе, Пагасид, ни твоим братьям, ни вероломным данаям. Подумай вот о чем, – упреждая гневный ответ ладена, Виал бросился в бой, – в любом случае кто-то будет править. Либо мы, либо данаи. Чье же ярмо окажется тяжелее? Или ты не привык подчиняться? Не подчинялся отцу, пока не вошел в возраст? Не подчиняешься царю? Не уважаешь старших, патрициев? Все мы подчиняемся сильному, вопрос лишь в том, кому подчиняться. И теперь – это твой выбор.

Потому Виал не беспокоился, что пират заставит его работать на себя. Со временем, он окажется под властью Государства, вернув все то, что взял у хозяев.

Вот, проклятое путешествие на восток, все-таки научило Виала думать о делах отчизны. Подошел возраст, не иначе. Забавно замечать изменения в себе.

Ладен долго не отвечал, забыв о чужаке, о спутниках, что сидели в стороне и ловили каждое слово. Тишина в пещере не была абсолютной, но люди словно исчезли. Только Виал подливал вина по чуть-чуть и делал громкие глотки. Его нисколько, казалось, не беспокоило решение, которое примет ладен.

Эти глотки могут оказаться последними в его жизни, так чего лишать себя удовольствия. Бояться будет потом, когда медным клинком начнут вспарывать глотку, окропляя жертвенник кровью.

Китор принял иное решение, несколько неожиданное на взгляд Виала.

– Наши предки, разделенные седым морем, не разрушали союза, заключенного во время исхода. Между братьями нет вражды, так зачем ты напоминаешь мне о договорах, отцами данными?

Виал чуть не поперхнулся. Разыграть сюжет из эпической поэзии ему даже не пришлось в голову. Ладен сам так поступил. Он оказался хитрее, чем думалось Виалу. Выбор навклера пиратов теперь освящен веками, стал заветом предков. Священным.

Тех самых предков, что покинули великие города и осели в Обитаемых землях.
На мгновение замешкавшись, Виал все же принял игру нового союзника.

– Потомки должны повторить клятвы отцов.

Он протянул руку над костром, ладен ответил на его рукопожатие.

– Мефон свидетель, ни прошлые ни будущие обиды не нарушат нашего союза.

– Мне свидетель Герой-безымянный и отец Эгиох, мы братья по крови и по делу. Идем мы по одному пути.

Рукопожатие у ладена было сильным, а кожа на его ладони грубой. Привыкшая к рукояти меча. Это не болтун, а настоящий воин. Виал на мгновение пожалел о заключенном перемирии. Выйти бы в бой против такого противника – вот счастье! Это не тоже самое, что резать крестьян.

Китор Пагасид поднялся, плеснул из кубка вина и обратился к своим людям. Виалу его речь понравилась, пусть осталась без ненужных теперь поэтических и риторических вставок. Сам Виал не смог бы сказать лучше.

Вновь заключенный союз потомков Древних требовалось закрепить пиром. Теперь уже у Виала возникло чувство, что он герой из темных времен.

Зарубили пару коз, их целиком подвесили над огнем. Богам пожертвовали сало, кости, завернутые в шкуру. Откупорили две большие амфоры вина. После этого Виал понял, что пираты не покинут убежища в эту ночь.

Как по заветам древних, без драки на пиру не обошлось. Не так эпично, чтоб горы сотрясались, а с небес падали молнии, но тоже забавно. Трофеем победителей служили чужие зубы, обрывки волос, но и побежденные не уходили с пустыми руками. Злость и ненависть скоро испарялись; изменяющая сознание жидкость легко превращала горных львов в кротких овец и обратно.

Лишь Виал старался сохранять сознание: пил мало, налегал на жареное мясо. Слабость к вину он унаследовал от «ладенских предков», не иначе. Хитрость гостя не осталась незамеченной Китором, он с иронией заметил, что гость часто пропускает.

– Уж не желаешь ли ты с праздника уйти на своих ногах и покинуть нас, забыв о заключенном договоре?

– Я помяту о том, как наши предки, – Виал криво улыбнулся, – наставляли детей.

– А, мы и по сей день так воспитываем. Нет ничего гаже, чем пьяный муж. Но порой поддаться Лиэю необходимо, иначе его последовательницы разорвут тебя на куски! Так пей же!

Виал нехотя осушил кратер. Хотя вино было отменным. Или это казалось после долгих месяцев на воде и впроголодь. Гость боялся, что его намеренно опаивают. Но вскоре Виал оставил страх и заботы, влился в общее веселье.

Подобная идея возникала у Китора, но он отказался от намерения. Зачем портить праздник пустыми подозрениями. К тому же гость все честно рассказал. Ему просто нет нужды врать.

Вождь пиратов вскоре опьянел, позабыл о своем статусе и уже наравне с другими веселился. Не уклонялся он от драк, показывая не только удачу, но и ярость. Лишь в подобные минуты вождь позволял внутреннему пламени опаливать товарищей. Чтобы боялись.

Под вечер в пещеру заглянули пираты, ушедшие на промысел. Они удивились, что из грота дым идет коромыслом, пахнет жареным мясом и стоит такой шум, что, наверное, демоны Бездны ворочаются в постелях.

Опьяневшие товарищи уже не могли объяснить, что происходит. Потому пираты решили влиться в веселье, а уже утром разобраться. Добычу, что они притащили, оставили на виду, чтобы ни у кого не возникло соблазна.

Уже с заходом, вернулся начальник гребцов. Его товарищи вели пленника, который не смог далеко уйти. Помня о приказе навклера, начальник гребцов постарался сохранить паренька в целости. Потому он так задержался, гоня этого зайца по холмам, пока тот не свалился без сил.

Веселье в гроте подходило к концу, но вернувшиеся пираты смогли оценить размах. Опять же, они не поняли причин происходящего.

Только Мустиф засмеялся. Пусть он недолго знал Виала, понял, что это все произошло из-за него.

Гениально! Зачем убивать полсотни пиратов, если можно их спойть и сделать друзьями! Только хитрец из Циралиса способен на такое. Мустиф понял, что принял верное решение, отправившись следом за навклером, а не его товарищами. Тут и теплее, и веселее, а главное – безопаснее.

Два товарища, что ушли на север, сейчас проводят время не так хорошо.

Глава 2

В безлюдных степях к востоку от Рифинских гор покой тишины нарушал шум ветра и безумные крики куропаток. Иная живность не проявляла себя, дожидаясь, пока спадет дневная жара. Изредка удавалось заметить парящего в небе ястреба. Ничто не указывало на присутствие здесь человека. Не было ни мусора, ни следов, отсутствовали постройки. Шрамы между острыми и сухими стеблями вытоптали стада диких лошадей.

Тропинки, протоптанные степняками, долго сохранялись. Люди уже могли исчезнуть, но их следы остались. Местами тропы были разбиты копытами степных животных.

В этом безжизненном краю никто не задумывался о происходящем на юге. Никто и не слышал о тех событиях. Ни могучие флоты, ни древние государства не беспокоили прятную степь. Лишь ветер и солнце властвовали здесь.

Людям приходилось приспосабливаться к жизни среди сухого разнотравья. Поэтому завоеватели, пришедшие сюда, неизменно терпели крах. С кочевниками торговали, иногда воевали, но чаще воспринимали как штормовые волны, что накатывают на прибрежные поселения.

Цивилизованные люди селились в укрепленных местах у берега моря. Вглубь страны колонисты не лезли. Лишь на некоторых реках Фризии стоят поселения. Скорее торговые фактории, чем полноценные полисы.

Встретить человека здесь все равно, что встретить бога на форуме. Явление редкое, не предвещающее ничего хорошего.

Двум чужакам приходилось приспосабливаться к ритму жизни так же, как и животным. Лишь только облака скроют немилосердное солнце, как путники отправлялись дальше.

Жару переживали, укрываясь от солнца в оврагах. Деревьев мало. Зелень, радующая глаз, встречалась только по оврагам и руслам высохших рек. Изредка торчал один зеленый ствол посреди желтых трав. Только ветрам известно, как сюда занесло одинокое дерево.

– Совсем не похоже на мой дом, – сказала Хенельга во время очередного отдыха.

От жары и проблем с водой она высохла. Ее спутник выглядел не лучше. За те дни, что он провел в море, успел обгореть, но степное солнце быстро выжигало на коже отметки. От былой белизны почти ничего не осталось.

И все же, эта местность ему знакома.

– Неприветливая местность, – согласился Эгрегий. – Это нам в пользу.

– Ты так опасаясь людей?

– Кто бы в чужом краю не опасался?

Он оглядел окрестности. Бесполезно. Бесконечная степь скрывала любые приметы, оставленные людьми. Похоже, что кочевники давно покинули регион, вытоптав пастбища. Куда они ушли, можно только гадать. Кочевья аборигенов обширны, лишь несколько раз в год купеческие караваны пересекают пустошь, направляясь в города.

Кочевники торговали в основном с данаями. Потому что за меха, соленую рыбу, иногда рабов, а главное – зерно, они платили больше, чем иные народы. И товары у данаев лучше. Какая-то простая керамика будет тут продана дороже, чем за нее попросили бы в том же Виоренте.

– Мы идем уже несколько дней, а конца не видно. Не пойми меня неправильно, я не отказываюсь от своего решения.

– Если бы я знал, куда идти, так сразу бы направился туда!

Эгрегий понял, что пешком проделать путь на север будет стоить огромных трудов. Его товарищ Виал говорил об этом, но пока сам не застрянешь среди песков и душистой травы, не поймешь очевидное.

На корабле они бы проделали этот путь за несколько дней, а на ногах могут идти до самых холодов. И вряд ли им удастся раздобыть меховую одежду, чтобы переждать суровое время.

А морозы тут страшнее, чем на юге. Эгрегий помнил об этом. Лед сковывает даже великие реки, к радости тех, что живет в краю варваров. Лед – это ужас цивилизованных народов.

Где-то к северу располагался полис под названием Каллиполь. Эгрегий держал путь туда, но совершенно не представлял, где он может находиться. Мог только предположить, что полис будет на мысу, рядом хорошая гавань, поблизости одна из великих рек равнин Фризии. Каллиполь закрывает путь варварам на юг. Служит затычкой в Глотке.

С ним согласилась Хенельга. Те редкие упоминания о полисе, о Глотке, что ей удалось раздобыть в периплах, указывали как раз такие приметы. А так же время в пути – пять дней каботажного плавания.

Для пеших это расстояние Эгрегий увеличил вдвое. Пройдя половину пути, они поняли, что расстояние необходимо увеличить еще. На сколько? Неизвестно.

По левую руку высились Рифинские горы, один из хребтов, протянувшихся в этой стране. Местные дали этим горам иное имя, поселили там своих богов, но для цивилизованных людей с юга все это носило название Рифинов.

За горизонтом шумело море, словно земля обваливалась в Океан. Отклоняясь к горам, путники всегда держали море на виду. До тех пор, пока не поняли, что это обман зрения. На востоке парила влага, вытягиваемая солнцем из пропекшейся земли. Хенельга первой заметила это, в ее родном краю такое явление часто обманывает путников. С виду вода поблизости, пару миль пройти, и утолишь жажду. Расстояние увеличивается, а сил остается меньше.

– Мы отклонились на запад, – подытожил Эгрегий.

– Хоть горы никуда не ушли, – вздохнула Хенельга.

Их порадовало только то, что в путь они отправились без кемилца. Бывший раб уже на второй день свалился бы с тепловым ударом. А воду путникам приходилось беречь. Редкие здесь ручьи едва снабжали их.

Родившиеся в засушливых краях Эгрегий и Хенельга умели выживать. Воду они добывали, выкапывая подземные источники в тех местах, где зеленела трава. Затраты сил на это требовались огромные, а вода была едва ли годной для питья.

С едой тоже возникали проблемы. Ночью донимали шакалы, которые не рисковали приближаться к чужакам. А их мясо обеспечило бы людей и пищей, и ресурсами. Приходилось питаться куропатками да сусликами, которых Эгрегий сбивал пращей. Из десяти камней при большой удаче удавалось добыть две твари. Больше везло Хенельге с ее сетью, Эгрегий не мешал ей, уходя в сторону.

Над травой разворачивалась сеть, а рядом располагалась Хенельга. Подражая крикам куропаток, она заманивала птиц под сеть, где те, испуганные, запутывались. Так удавалось поймать только самцов.

– Не очень справедливо, – ворчал Эгрегий.

От мяса он не отказывался.

Жаркие дни сменялись ледяными ночами. Воздух мгновенно вымораживался. Земля недолго отдавала тепло, грея путников. С гор слетали холодные валы, терзающие людей. Подстилка из трав защищала от холодной земли, но не давала защиты от ветра. Топлива для костра так же не хватало.

Местность и днем и ночью сливалась в сплошной серо-желтый ковер. От яркого солнца и унылого пейзажа болели глаза. В таких условиях быстро сходишь с ума. Лишь запахи напоминали о том, что этот край не совсем мертвый.

Степные травы цвели, хотя их цветение ничем не напоминало яркость трав, собираемых на юге. Из этих растений едва ли удастся сплести венки, чтобы надеть его на голову. Колючки легко ранили кожу, глубоко застревали под ней, а потом начинали гноиться. Отчасти поэтому степняки носили штаны. Ну, и потому что были непревзойденными всадниками.

Беседы немного скрашивали унылое путешествие, больше подходящее на испытания, что претерпевают души в Бездне.

– Вот почему у них штаны кожаные, – говорил Эгрегий, – у рипенов. Там на юге тоже носят, удивляя данаев. И служат насмешками.

– Это же неудобно, – удивилась Хенельга.

– Конечно, неудобно! Жарко и у всех на виду. Но традиции.

– Я не про это говорю. Неудобно на коне сидеть в штанах.

Эгрегий удивленно уставился на подругу. По его представлениям кочевники всегда носили штаны. И он думал, что это им помогает удержаться на спине коня.

– Я видела всадников с запада. Того запада, далеко в песках за Хомбатом. Так они часто обнаженными идут в бой.

– Так бедра и все остальное натрешь, – Эгрегий указал взглядом на то, что будет натираться.

– Они попон не бросают, седел не используют. Зато подобно ветру налетают, собирают дань кровью и отступают. Никаких штанов.

– У них там вообще чешуя, а не кожа уже.

Хенельга улыбнулась, ударила друга в плечо.

Пока она не спрашивала, но вопрос назревал. Если Эгрегий так рассуждает о кочевниках, то кем он был сам? Варвар для данаев и гирцийцев, это ясно, но из какого он племени происходил? Узнав это, будет проще понять, что им искать в этих бескрайних степях.

Эгрегий молчал, не говорил о своем происхождении. Хенельга понимала, что он просто не помнит. Ведь и Виал не спрашивал об этом. Их старший товарищ понимал, в чем проблема, потому не хотел давить на друга.

Со временем, придется об этом поговорить.

Того племени возможно они не найдут. Природа забирает человеческие кости, а степные налетчики уничтожают бесполезное и уносят то, что могут. Каков шанс, что покинувший родной край в детстве, сможет найти здесь хотя бы могилы предков.

Ведь оказался Эгрегий в рабстве. Выходит, его племя подверглось нападению. Дети и женщины стали добычей, участь иных была страшнее.

Но ни Эгрегий, ни Хенельга не отказывались от намерения идти на север. Пока путь держат до колонии данаев. Эгрегий утверждал, что колонисты отличаются от двоюродных братьев из метрополий. Прошедшие века перековали этих людей, они перемешали кровь с местным населением.

Оставались полисы, сохраняющие свои обычаи, но их меньшинство. Остальным приходилось приспособливаться, перенимать местные обычаи. Откуда еще черпать колонистам силу, раз метрополии не поставляют человеческий материал.

И не из полисов происходил Эгрегий. Круг поиска вроде суживается, но Хенельга понимала, что задача их от этого еще сложнее.

Для цивилизованных людей все окрестные племена это или рипены, или фризийцы. Других не существовало. Эгрегий называл еще быколоудей, пиратствующих севернее. Это была одна из примет, что он помнил.

Пройти мимо пиратов не удастся. Они не подчиняются ни кочевникам, ни колонистам. Полностью обособлены и независимы. Найдя их, удастся найти родину. Ту самую Скирту.

По началу путники старались идти по ночам. Решение казалось разумным, ведь солнце забывает о них. В первую ночь повезло: светили луна и звезды. Тропа ясно читалась. Требова-

лось лишь смотреть, куда ступаешь. И все равно люди зачастую проваливались в незаметные ямки. Трава прикрывала выходы из нор грызунов, даже при свете дня не всегда замечаешь опасность.

На вторую и последующие ночи ледяной ветер с гор нагнал в степь облаков. Луна хитро выглядывала из-за белого покрывала, на мгновение бросая серебряные взгляды на пустошь.

Людам едва ли хватало такого освещения. Потому они изменили порядок, теперь шли с рассветом и после полуденной жары. Благо рассветает в степи рано. Скорость передвижения снизилась, зато берегли тающие запасы еды и воды.

Товарищ снабдил их в путь больше, чем взял себе. Его решение казалось абсурдным, но уже не третий день пути Эгрегий понял, что Виал поступил правильно. Еды для путников нужно больше, чем идущему морем. К тому же Виал собирался промышлять охотой – грабить данаев.

Путешественники не смогли исполнить просьбу товарища. Им не удавалось записывать приметы того пути, по которому они прошли. Примет не было. Лишь овраги и высохшие русла служили хоть какими-то ориентирами. Эгрегий старался запомнить сколько времени занял путь от одного оврага до другого, но вскоре заметил, что моментально забывает о количестве сделанных шагов.

– Из нас отвратительные исследователи, – через силу посмеялся он, когда остановился перед очередным оврагом.

Многие овраги были глубокими, перепад высот значительным. Весной русло наполняется водой, бурный поток талых вод с гор сметает грязь в море. Летом об этом напоминала только раскисшая грязь. Местами в ней угадывались следы копытных.

Путь в бесконечность, словно в никуда. По крайней мере, пески были не глубокими. Иначе путники застряли бы тут навечно.

Даже с учетом этого, идти было тяжело. Если горизонт был близко, по началу это придавало сил. Местность лгала. Ведь близкий горизонт указывал на наличие возвышенности. На нее предстояло взобраться.

Зато не сулящий ничего хорошего бесконечный горизонт наоборот указывал на легкость в пути. Значит, тропа шла под уклон. Лишь забываешь о безумном ветре, обязательно быющим в глаза, о песке, который скрипит на зубах.

Взобравшись на холм, путники иногда замирали, пораженные размахом. Даже Хенельга, прожившая большую часть жизни в подобных условиях, была поражена. На ее родине мир был ограничен с юга горами, с севера морем, а на востоке высились развалины древних.

Эти границы сами по себе были бесконечностью, но они разделяли мир на три части: людскую, призрачную и морскую. Словно районы в большом полисе, разделенные не стенами, а побелкой и украшениями домов.

Бесконечность степи поражала, раздавливала человека. Идти можно долго, а пейзаж мало меняется. Было бы лучше, окажись эти пески распаханными, или заметь путники табун, пасущийся в низине.

Ничего этого не было, зато и угрозу можно было заметить заранее. Потому тактика кочевников всегда проста – налететь и сбежать за горизонт. Для маневренной войны тут мало возможностей.

– Виал бы такой вид оценил, – хмыкнул Эгрегий.

Хенельга кивнула, поняв, о чем говорит друг.

Ветер пригибал длинные стебли, вдоль линии горизонта перетекали волны. Вид действительно напоминал тот, что можно увидеть в открытом море. Ветер не только создавал проблемы путникам, но и помогал им, отгоняя назойливых насекомых.

Эгрегий знал, что в поймах великих рек много кровососущих. Изголодавшиеся твари пролетают многие мили, словно ведомые злым божеством. Иначе не объяснить их способность преодолевать огромные расстояния и находить среди степи добычу.

Даже далеко от великих рек кочевников донимают мухи. Ветер помогал избавиться от них, вздохнуть спокойно. Ненадолго.

За пару дней пути люди уже не замечали полынный запах степи. Кожу покрывала ровная корка осевшей пыли. Местами корку портили линии, стекающего пота. Ни смыть, ни обтереться.

Лишь жидкая грязь, взятая в выкопанных ямах, помогала освежиться. Заодно она служила как защита от насекомых.

Какие опасности подстерегают в пустошах, Эгрегий уже не помнил. Пауки, змеи, клещи – с этим он сталкивался даже в Гирции. Здесь этих тварей могло быть больше, а могло быть меньше.

Следы, читаемые на тропах, были старыми. Не потому что живность ушла, просто тропы окаменели под тяжелыми ударами солнца. Редкие в этой местности дожди размывали дорожки, вот так на них появлялись следы.

Судя по следам, дождя степь не видела уже месяц. Ничто не указывало, что погода изменится.

Пройдя далеко на север, люди уже не могли повернуть обратно. К тому же, в окрестностях Саганиса рядом с проливами их ничто не ждет. Товарищ наверняка вернулся домой, где занимается подготовкой к своей войне.

Оставалось только упрямо идти на север. Забыв об усталости и боли в мышцах.

Почему-то горы с каждым днем приближались к путникам. Не имея примет, люди все дальше забирали на запад. Пески сменялись каменистыми осыпями, впереди возникали обтеваемые ветром и дождями каменные столбы.

Кроме этих природных изменений, путники обнаружили и первые следы присутствия человека. Или варваров, если относится к кочевникам, как данаи.

Вблизи гор можно найти материал для строительства. Долговечный материал. С камнем в этом плане ничто не поспорит.

Кочевники использовали камни для строительства пирамидок. Эгрегий припомнил, что они служили метками на пути или разделяли участки.

– Так что может указывать эта? – спросила Хенельга.

Эгрегий пожал плечами. Первая найденная ими пирамидка почти осыпалась, но все же очевидно, что это человек соорудил. Кроме камней пирамиду украшали ленточки или пучки трав – то ли как метки, то ли как символы богов покровителей.

– Обычно направление. Слишком осыпалась, тут уже не понять.

На каменистой местности росло меньше трав, но идти от этого едва ли стало легче. Камни под ногами осыпались, подошвы сандалий вскоре истрепались. Идти по острым камням приходилось едва ли не босиком. Уходя на восток с рассветом, люди не могли вырваться из пустоши. С приходом нового дня они оказывались ближе не к морю, а к горам.

– Кто может там обитать? – на очередном привале спросила Хенельга.

Она указывала на горы. Ведь жизнь в них легче, чем на пустой степи. Белые пики были украшены зелеными венками. Там росли деревья, была дичь и укрытие, а главное – горные ручьи.

– Эти самые фризийцы.

– И кто же они?

Эгрегий пожал плечами. Проворчал, что надоели ему вопросы.

Под именем фризийцев данаи знают десятки непохожих народов, сотни враждующих племен. Кто-то из них проживает в горах, а кто-то у подножия.

– Нам повезет, – переменял тему Эгрегий. – Рано или поздно набредем на поток.

Любой ручей, даже мелкий станет ориентиром, который приведет к людям. В степи все поселения располагаются вокруг источников. Эти поселения будут не данайскими, ведь те никогда не уходят вглубь пустошей.

– Значит, – вздохнула Хенельга, поднимаясь, – нам всё на север, пока не наткнемся на воду.

Эгрегий кивнул. Лицо его искажалось от злости.

Они продолжили путь, но ни в этот, ни в последующие дни к ручью так и не вышли. Зато местность вокруг немного изменилась, указывая на то, что догадка Эгрегия верна.

В низинах зеленела трава, росли небольшие ивы. Через заросли едва ли удавалось пробраться. Чужаки распугивали птиц, что гнездились на деревьях. В гнездах были яйца, что существенно разнообразило рацион путников. А спасающие свое потомство птицы тоже были пойманы и убиты.

Давно путники так хорошо не питались. Сухие ветви послужили топливом.

Эгрегий решил, что необходимо идти вдоль низины. Очевидно, что там находилось русло ручья, пересохшего летом. Идти предстояло не на восток, в сторону моря, а на запад – где находился исток.

Где исток, там будет поселение или хотя бы вода.

Это немного меняло планы, но это лучший вариант. Да и помощи от данаев колонистов вряд ли удастся добиться. Путники не обсуждали, как варвары отреагируют на появление чужаков.

Идти по низине, вдоль высохшего русла сложнее. Трава разрослась до такой степени, что скрыла любые намеки на тропинки. И все же тропы тут были. Явно не зверовые, а протоптанные людьми. Правда не удавалось понять, как давно здесь проходили люди.

Следов на твердой и сухой почве не оставалось. Оглянувшись, Эгрегий убеждался, что и он не оставляет следов. Сбитые сандалии поднимали облачка пыли. Ноги до колен почернели, на слой грязи приклеивались колючки и семена полевых трав.

Направление было верным. Вскоре путники заметили каменную пирамидку, украшенную пучками трав и ленточками. Казалось бы ничего необычного, подобные пирамидки уже встречались. Этот знак отличался. Пирамидку восстанавливали.

Венки высохли, но ленточки были свежими, а сама пирамидка в рост человека, выше травяных головок.

Путники остановились у пирамиды, рассматривая ее.

– Продолжим путь? – спросила Хенельга.

Дальше не будет возможности избежать встречи с аборигенами.

– Как и решили, – пожал плечами Эгрегий. – Рано или поздно нам придется столкнуться с людьми. Пусть уж это будет на наших условиях.

Он добавил, что больше чем с одной или двумя семьями им не придется иметь дело. С таким количеством они уж как-нибудь сладят. Хенельга согласилась.

Прежде чем отправиться дальше, они задержались, чтобы привести себя в порядок, подготовить оружие.

Заметили на западе небольшую полоску деревьев, что отделяла овраг с юга. Деревья росли ровно, что указывало на действия человека. Кроме одиноких, подчас высохших стволов тут ничего не встречалось.

Тропа изменилась, появились следы – трех- или двухдневные. Стебли травы были обломаны на уровне пояса. Тропу недавно очищали, но стада по ней не гоняли. Земля стала мягче, чуть продавливалась под подошвами. В воздухе чувствовалась влага. Зато в русле ручья стебли стали еще жирнее, выше и цвели. Над ними носились черные птицы, хватающие в полете насе-

комых. Среди травы могло найтись еще множество их гнезд, но добраться до них не представлялось возможным.

Вода была на поверхности, исток ручья поблизости.

– Будь готова, – предупредил Эгрегий.

Его подруга хмыкнула.

За цепочкой деревьев на возвышенности они увидели круглые хижины. Саманные домики с соломенными крышами. Небольшая оградка из плетня вокруг них. Казалось, что домики пусты, никто там не живет. Солома была старой, давно не обновлялась.

На мгновение Эгрегий испытал разочарование, решив, что люди покинули жилища. На пастушьи домики эти хижины не похожи, хотя у местных может быть все иначе. Больше эти строения походили на те, что используют крестьяне. Только поблизости не видно полей или огородов.

– Точно, пара хижин, – сказал он, остановившись.

Боязно идти дальше, тем более подходить к пустому дому.

Из отверстия под крышей не выходил дым, двери были закрыты, тишина подавляла. Дома не разрушены, так что жителей не ограбили. Только болезнь или злые духи могли отобрать дома у людей.

– Пойдем? Или все же назад? – спросила Хенельга.

– Нам все равно нужна вода. Внутрь не станем заходить.

– Если это не вода стала причиной.

– Вот это вряд ли, живность в ручье не сдохла ведь.

Поднявшись по тропе наверх, люди заметили на тропе следы отары. Тут и отпечатки копыт, взрыхливших землю, тут и катышки дерьма, намертво прилипающие к сандалиям. Выходит, тут все же обитали пастухи.

Обрадованный Эгрегий прокричал приветствие на гирцийском. Пусть уж лучше местные услышат незнакомые слова, чем речь данаев. Кто знает, как варвары относятся к колонистам.

Ответа не последовало.

Путники поднялись на холм, остановились возле плетня. Земля за ним была ухожена, но потрескалась. От засухи померли растения в огороде. Эгрегий узнал некоторые из них: репа, капуста, душистые травы. Лишь засухоустойчивые травы остались стоять, слегка надломленные ветром.

– С водой будут проблемы, – вздохнула Хенельга.

– Сейчас посмотрим.

Исток ручья находился выше, чуть в стороне от домиков в расселине между холмами. Вода проточила в земле глубокий, заросший острой травой и камышом овраг. Подойдя к расселине, Эгрегий уловил звуки воды.

– Она есть! Нам повезло! – крикнул он.

Спуск вниз был очищен – камыш надломили, завалив в сторону от тропы. В почве были вырублены ступеньки, почти стертые, образующие крутой угол. Спускаться по этой лестнице пришлось с осторожностью, опираясь на копыя.

Вода вытекала из склона по деревянному желобу, вбитому в грунт. Холодная, чистая. Такой воды путники не пили уже несколько дней. Так и хотелось прильнуть к источнику и пить, пока в животе не забулькает. Чтобы от холода ломило зубы.

– Пей, но мелкими глотками, – сказал Эгрегий.

– Да знаю я, – Хенельга улыбнулась и первым делом подставила бурдюк под струю.

Выдержка ее поражала. Эгрегий сомневался, что сам смог бы сдержаться, чтобы не утолить жажду в первую очередь.

Вода по желобу падала в яму, то ли вырубленную людьми, то ли естественную. В чаше ничего не было, ни водоросли, ни животные не могли закрепиться в текучей воде. Дальше вода уходила, давая начало ручью.

Эгрегий умылся из чаши. Вода даже в ней была холодной, сводило пальцы. Попадая на разгоряченную кожу, казалось, она мгновенно испаряется. Телу вернулась бодрость.

Прежде чем напиться, люди смыли с себя грязь, беря воду в ручье. Тут в тени, у воды держалась прохлада, словно путники мгновенно попали в некое чуждое место. Словно не бродили по бескрайним просторам Фризии, а переместились на холодный север.

Только освежившись, люди решили утолить жажду. Для духов источника было мало даров, Эгрегий оставил кусок печеного корня, которые он насобиравал днем ранее.

– Надеюсь, тебя удовлетворит мой скромный дар. Видит Мефон, ты дал нам больше, чем мы могли тебе подарить.

– Боги благосклонны к путникам, – успокоила его Хенельга.

Не было желания возвращаться, взбираться по тропе. Ведь это означало, что придется вернуться под солнце, в жару. Следовало проверить хижины, возможно, придется заночевать там.

Уже полмесяца они идут на север, возможность выспаться под крышей манила. Отказаться от соблазна путники не могли.

Подъем наверх был тяжелее, чем спуск. Тропа уходила из-под ног, подошвы соскальзывали с обкатанных ступеней. Крутой подъем лишал сил, люди начали глотать воздух. От жары и недоедания они заметно обессилили.

Этого и ждали варвары. Окрик заставил чужаков остановиться и перехватить копья. Не слишком разумный поступок, учитывая, что они использовали копья, как опору. Эгрегий чуть не повалился назад, кое-как удержался на ступеньках.

Вверху находилась женщина, держащая в руках снаряженный лук. Три стрелы были воткнуты в землю перед ней, одна на тетиве. Чужаки находились прямо перед ней, промахнуться она не могла. И деваться им некуда, только свалившись кубарем по тропе искать укрытия среди травы.

Успокаивало то, что тетива не была натянута.

– Думаю, она успеет нас перестрелять, – сказала Хенельга, опуская копье.

Эгрегий, не сводя глаз с женщины, тоже опустил копье на землю.

Лук в ее руках был необычный для цивилизованного человека: составной, с кривыми резкими рогами, усиленный костяными пластинами. Похожие использовали рипены, служащие данаям, но их луки были меньше, чтобы удобнее стрелять с коня.

– Приветствую, – сказал Эгрегий, а потом опомнился: – Хайре.

– Вряд ли она гирцийский слышала.

– Вот и я так думаю.

Женщина наклонила голову, словно прислушивалась. Рассмотреть ее не удавалось, она намеренно встала в просвете трав, чтобы солнечные лучи светили ей в спину. В эту ловушку не первый раз попадает чужак.

– Думаю, лучше тебе с ней поговорить.

Хенельга обратилась к женщине на языке данаев, используя общепринятые слова.

– Мы путники с юга, идем на север. Пополнили воду. У нас ничего нет.

– Здесь редки чужаки, – ответила женщина почти сразу.

Голос ее был тонким, словно у девицы. Говорила она на языке данаев, но с явным акцентом. Это не родной ее язык.

– Мы издалека. Не из Саганиса, не из Тенеда.

– Белые люди идут морем, – согласилась женщина. – Поднимайтесь.

Она нагнулась, чтобы вырвать из земли стрелы.

– Я так понимаю, нас не подстрелят, – удивился Эгрегий.

Хенельга кивнула, обошла друга и первой поднялась наверх. Отдышавшись после подъема, она наконец-то смогла рассмотреть лучницу.

Встретившая их женщина была невысокого роста, смуглая, с обветренным лицом. Черные волосы были заправлены в тугую косу, доходящую до талии. Возраст угадать нельзя, но груди под свободной туникой были небольшими.

– Вы белые люди, – сказала женщина, – долго шли. Что за слова твой мужчина говорил.

– Это речь нашего народа, – объяснила Хенельга. – Мы из Гирции. Знакомо тебе это?

Конечно, она не слышала ни о какой Гирции. Хенельга не стала уточнять, что сама она происходит из еще более дальних мест.

Кроме шерстяной короткой туники на женщине был узкий пояс. Сбоку висел нож, украшенный костяными накладками. Хенельга с интересом рассматривала узор, который сразу притянул ее взор. Босые ноги украшены то ли татуировками, то ли рисунками. Удивительно, как ей удавалось защищать ноги от степной пыли.

– Меня зовут Анлаш рода Теи.

– Хенельга, род резчиков. А мой друг Эгрегий...

– Род Дуилла, – сказал он, поняв, о чем спрашивают.

Будучи отпущенником, он по закону взял имя своего бывшего хозяина. Закон накладывал на него еще ряд ограничений, но бывший хозяин был так щедр, что не требовал ничего взамен. Да и не мог Эгрегий, находясь в Циралисе, помочь патрону из Мерзы. Обязанности патрона взял на себя друг Дуилла – Косс Виал.

Но эти тонкости первой встречной варварке Эгрегий не стал объяснять.

– Трудные имена, – покачала Анлаш головой, тут же переменяла тему, – пройдемте в дом. Глаз открыт весь.

Повернувшись, спокойно пошла в дом, не думая, что ее спина без защиты. Эгрегий с Хенельгой переглянулись, подруга пожалала плечами. Мало ли какие обычаи у местных. Впрочем, всю жизнь прожив в степях, эта женщина научилась определять, кто опасен, а кто нет.

К тому же, грабителям тут взяться неоткуда.

Вернулись к домам, которые все так же выглядели заброшенными. За огородкой в земле угадывались следы коз, где-то поодаль кудахтали куры. Никто их намеренно не прятал, просто в полуденный зной даже животные тихи.

Анлаш пригласила гостей в дом. Там было прохладней, чем на улице, хотя сильно пахло навозом и мокрой шерстью. Местным приходилось ночевать со своим скотом, чтобы защитить их от холодов и грабителей. Заодно это позволяло экономить материалы, ведь строить отдельный сарай накладно.

В большом доме могло бы поместиться с десятков коз. Не считая людей, одна семья.

Быт простой, мебели варвары не использовали. На земляном полу солома, в углу лежали шерстяные одеяла. Керамика изготовлена явно не на гончарном круге. Зато на стене висело оружие – уже не такое кустарное: копья, топорик, несколько луков с необычными горитами.

Стрелковое снаряжение выглядело знакомо. И дело не в том, что наемники рипены использовали подобные. В иных местах люди отдельно носили стрелы, отдельно лук. Варвары Фризии использовали совместный чехол для хранения как стрел, так оружия.

– Умеешь стрелять? – спросила Анлаш, заметив интерес гостя.

– Прашой, но луки знакомы.

Что за праща, Анлаш не поняла. Потому Эгрегий распустил пояс, показал оружие и на пальцах объяснил принцип действия. Варварка кивнула, поняв, как этим пользоваться. В их местности подобное оружие не распространено, потому что подходящих снарядов мало. Да и с луком охотиться намного удачнее.

Эгрегий согласился.

Анлаш сорвала глиняную пробку с одного из кувшинов. Внутри было козье молоко, смешанное с солью, разбавленное настоем из полевых трав. Напиток казался горьким, но женщина заверила, что только его и стоит пить сейчас.

Сомнения гостей стали еще одним доказательством, что они прибыли издалека.

– Как далеко вы ходите? – спросила Анлаш, когда гости утолили жажду.

Хенельга с Эгрегием переглянулись. С пути они сбились, бродили по степям уже много дней. Но сколько? Сложно сказать. Прошло не меньше десяти дней, как они расстались с Виалом. На деле могло пройти больше. Припасов навклер им оставил вдоволь, они почти все подошли к концу. От вяленного кабаньего мяса остались жалкие крохи.

– Много, с юга давно идем. От проливов, от Саганиса, – объяснил Эгрегий.

– А до этого?

– Еще больше. Луна два раза становилась большой.

Эгрегий припоминал, что местные больше полагаются на лунный календарь.

– Мы шли по воде на большой ладье, где полсотни человек помещаются. Затем обошли земли данаев. Там потеряли судно, попали в плен, освободились здесь на севере. Я решил идти дальше.

– А зачем? Чужак здесь редко пробегает. Пугают белые люди, убивает солнце, убивает простор.

– Здесь моя родина, – подумав, ответил Эгрегий.

Все-таки женщина может указать путь. Хотя бы помочь с припасами.

– Ты не степняк, – Анлаш удивилась, прищурилась.

– Но я не данай, не гирциец. Я из Скирты, слыхала о ней?

Женщина покачала головой.

– Там еще в ближайших горах обитают быколюди.

И это название не было знакомо Анлаш. Эгрегий пытался произнести его на языке данаев, гирцийцев, все в пустую. Даже объяснив, чем занимаются эти варвары, Эгрегий ничего не добился.

Он предположил, что Анлаш так молода, что не могла знать о далекой колонии данаев. Не знать про кровожадное племя варваров она не могла. Ведь в периплах есть упоминание о быколюдях, что промышляют в северных водах. Хенельга смогла найти упоминания о них.

– Ты бел, как она бела. Бел как морской народ на восходе.

– Но мы не из их племени. Ни я, ни моя подруга.

– Да. Вы долго шли. Солнце вас жгло, ветер морозил. Вы дошли. Белые люди бы не дошли.

– Куда же нам теперь следовать? Не подскажешь?

– Обратись к духам, на западе в горах обитает множество духов. Они могут ответить тебе.

Эгрегий кивнул, постаравшись скрыть сомнения. Девушка предложила то, что находилось в ее видении мира. У аборигенов в горах наверняка алтари, но для чужаков они недоступны. Скорее уж кровь иноземца станет приношением, чем они смогут получить ответ от духов.

Нет, такой вариант Эгрегий даже не рассматривал. Хотя Хенельгу он явно заинтересовал. Она вообще удивлялась, что ее спутники могли так легко, без подготовки принимать важные решения. Что Виал отправлялся в путь, топя корабли, что Эгрегий удумал идти на север, не посоветовавшись со жрецами.

Их уверенность граничила с глупостью. И если сам Виал мог поспорить с обычными жрецами в благочестии, то Эгрегий блуждал в тумане.

Хенельга заставила Эгрегия выйти в огород, надергать им на обед кореньев. Заодно пусть натаскает воды, чтобы пролить грядки. Анлаш разрешила это. Очень уж им хотелось избавиться от неудобного собеседника. Хенельга расспрашивала об окрестных землях, запоминая все, что ей рассказывала девушка.

Ведь Виал просил заносить сведения о путешествии. Раз его длинный товарищ не справился, то придется самой Хенельге взяться за эту работу. Ведь не зря же ее учителем был Карник Путник, человек, что среди резчиков слыл непоседой и путешественником.

По словам Анлаш по близости не было никаких поселений. Логично, это кочевники. Редки случаи, когда они строят такие дома. Семья Анлаш небольшая, не могла отправиться вместе со всем родом на новые кочевья. Степь всех не прокормит, вот многим приходилось оставаться на старых кочевьях.

Самый простой быт; в хозяйстве два десятка коз и чуть больше птицы. В огородиках изнывают от зноя травы и корнеплоды. Вина эти люди не знали, хотя про божественный дар Лиэя слыхивали. Чудесная ягода заставляет данаев петь и плясать. Действует не хуже некоторых трав, что собирают степняки. Но действие этой ягоды иное, преобразует сознание по-своему.

С собой у путников вина не было, так что угостить любопытную девицу Хенельга не могла. Рассказала только, что это опасная жидкость.

– Среди данаев и гирцийцев много историй о том, как она изменяет людей. Делает их дикими, словно звери. Особенно этот бог любит женщин.

– Еще бы! Звери стремятся полюбовиться.

– Вот люди тоже начинают.

Эти истории можно рассказывать долго, Хенельга напомнила о том, что они ищут путь на север. Анлаш нехотя сменила тему.

Там дальше почти такая же степь. На западе в гористой местности людей больше, даже крупные поселения есть в десятках домов. Обнесены частоколом, ближайшие холмы распаханы. У них много дерева, много железа. Им-то проще.

На восток степь упирается в соленое море. Только песок, ковыль, изредка камешки. Много соли. Даже целые соленые озера есть.

Хенельга подумала, что это бы заинтересовало Виала. Он бы нашел применение соленым озерам.

По весне озера розовеют, а все, упавшее в них, покрывается соляным панцирем. Деды рассказывали Анлаш, что среди этих соленых вод можно найти соляные статуи людей, животных таких древних, что их потомков уж не сыщешь. А еще дальше поднимаются целые соляные корабли. Словно это духи озера строили их, намереваясь покинуть родные воды. Их напугало присутствие человека, в основном этих белых данаев.

Соленые озера Хенельга видела; знала по рассказам ее наставника, что такое на самом деле случается. А еще там можно купаться и не тонуть, вот ведь потеха.

Воды в тех краях нет, потому редкий человек доходит до озер. Еще реже удается вернуться.

Само море Анлаш не видела, но по рассказам дедов это негостеприимное, вечно хмурое место. Вода-то в нем плохая, горькая, так настоящим людям там делать нечего.

Еще несколько семей проживают вдоль этого ручья. Двоюродные братья и сестры раз в месяц пригоняют стада к источнику, чтобы пополнить припасы, отдохнуть и пообщаться с родичами. Семья Анлаш из этого рода, получается, привилегированная, ведь они вынуждены стеречь стоянку и источник.

– Мой отец и мать вернуться к закату, братья может завтра.

– Они рады гостям?

– Точно рады! Ваши истории. Им говорить с вами легче. Язык ваш знаком.

– Не наш. Мы не данаи, – поморщилась Хенельга.

– Так не ваш. Но говорить на этот язык вы тоже. Откуда же ты. Раз хорошо владеть чужим словом?

– Моя родина еще дальше, чем Гирция, – сказала Хенельга. – Это далеко за морем. Месяца три идти на ладье до моего дома.

– Ого, как же ты тут оказалась?

Хенельга улыбнулась и кивнула в сторону выхода. Там трудился Эгрегий.

– Хорош, – промурлыкала Анлаш.

– Да, немного дурковат, зато хорош.

Женщины рассмеялись.

Эгрегий, потеющий в тяжелой одежде, остановился, выругался. Хоть он и понимал, что Хенельга не просто так прохладается, но все равно обидно. Обед им не предложили, так чего заставили трудиться на этих грядках?

Растениям, казалось, плевать на полив. Солнце давно их убило. Забота об огороде явно лежала на Анлаш, а девушка так хитро отлынивала от постылой обязанности,

Хотя по совести, Эгрегий не очень хотел есть. Напиток варваров оказался волшебным! Даже удивительно.

Все грядки были политы, а смех в доме становился громче. Эгрегий натаскал воды в поилку, зная, что пришедшим вечером пастухам это облегчит жизнь. После этого он направился в дом, стараясь сдерживать гнев.

– Чего вы тут расшумелись?! – воскликнул он, входя.

Женщины уставились на него и рассмеялись. Анлаш зашептала на ухо Хенельге и отвернулась, покраснев.

– Она предлагает тебе себя, – сказала Хенельга на гирцийском.

– Чего?

– Ночь провести.

– В смысле?

Хенельга закатила глаза, сказала Анлаш, что не зря называла друга дурковатым. Потом она уже жестом объяснила, что требуется от спутника, и хихикнула.

Лицо Эгрегия залила краска. Он некоторое время стоял на пороге, а потом решил выйти на солнце. Уж лучше пусть оно обжигает лицо, чем стыд.

– Он что? – шепотом спросила Анлаш.

– Не знаю. Смутился почему-то.

– Не нравится Анлаш?

– Да ты хороша собой. Молода и здорова. Ладно, сейчас поговорю.

Эгрегий вернулся к источнику, хотя эта дорожка опротивела. Раз двадцать пришлось спускаться и подниматься. По началу он думал подрубить ступеньки, чтобы было легче ходить. Сил не нашлось.

Холодная вода не только бодрила, но и облегчала боль. Солнечные ожоги страшно жгло. От струек соленого пота щипало и чесалось. Эгрегий словно не замечал, как к нему подошла Хенельга.

– Ты чего?

– Она же предлагает мне провести ночь с ней.

– Да, о том я тебе и говорю.

– А ты не против?

– А почему я должна быть против? – удивилась Хенельга. – Ты ведь не в жены ее берешь. Ей просто нужны здоровые дети. Ты крепок, умен, свежая кровь. Я сама поступила бы так на ее месте.

– Ведь не поступила.

– Так я не дома сижу. А с вами болтаюсь по морям. Тут не до детей.

– Но мы же вместе. Ты да я.

– Вместе, потому я пошла за тобой. А с детьми я бы не смогла пойти. Сидела сейчас в Циралисе, сторожила дом Виала. Если ты этого хотел, мог бы сказать мне там! Чего сейчас засмутился?!

– Да ничего. Значит, дело в другом.

– А в чем же?

Эгрегий пожал плечами. Хенельга присела рядом, обняла его. Ответа сразу не добились. Для варваров подобные предложения не являются чем-то необычным.

Эгрегий это понимал. Рождение ребенка опасный процесс, но еще опасней, если отец ребенка близкий родственник. Здесь же все семьи родственники. Свежую кровь крайне сложно раздобыть.

Все это Эгрегий понимал, со всем соглашался. Переступить через себя не мог. Теперь это тяготило. Всю жизнь он воспринимал себя как чужака на земле гирцийцев, да многие граждане ему напоминали об этом. Даже отпущенники, даже рабы, рожденные в Гирции, указывали Эгрегию, что он чужак, варвар.

Вот варварская страна, почти его родина. Эти люди его родичи, пусть весьма отдаленные, совершенно отличные от тех, кто проживает в Скирте. Почему же их быт кажется таким чуждым, а этот простой вопрос вдруг выбил из колеи.

Эгрегий понимал, что его поиски по большей части блаж. По крови он мог быть варваром, но в душе стал настоящим гирцийцем. Перенял их культуру, обычаи, а главное отношение к тому, что объединяет всех граждан – чувствовал себя частью Государства.

Виал говорил, что нельзя бороться со своей природой. Он признал в себе пирата, разбойника, но главное – воина. Так Эгрегию тоже придется признать себя.

Глава 3

Утром Виал ощутил последствия пиратского пира. Он проснулся, когда сборы были окончены. Груз уложен, команда собралась и вывела судно из грота. Внутри остались только седые угли да гость.

Китор разбудил названного брата, помог подняться и подвел к воде.

– Давай, освежись, – подбадривал навклер.

Сам вождь пиратов выглядел свежим, словно ночное безумство на него не оказало никакого влияния. Вот превосходство молодости, которое давно утратил Виал.

Не без помощи Китора гирцийцу удалось умыться и добраться до корабля.

Его товарищ уже был на борту, находился в таком же бессознательном состоянии, что и Виал.

Солнце больно резало глаза, а жаркий воздух заставлял тяжело дышать. Пираты помогли гостю подняться на борт, провели на корму. Зная, как тяжело сейчас будет восприниматься кашка, гостям приготовили место рядом с кормчим.

Виал ничего не рассмотрел. Ни вход в грот, который уже заваливали камнями, ни свою лодку, ни даже Мустифа.

Прикрывшись краем туники, Виал попытался спрятаться от солнца. Это едва ли удалось. Вздремнуть тоже не было возможности. Качка, корабельный шум. Виал смотрел в одну точку.

Корабль уходил от берега, борясь со встречным ветром. Несмотря на помеху, вскоре земля осталась позади. Лишь высокие пики виднелись над северной стороной по правую руку. Вершины гор терялись в дымке, над ними задерживались облака.

Заметив состояние гостей, Китор смилостивился над ними и приказал поставить жаровню. Сварили наваристую похлебку, похожую на ту, что предпочитают ладены. Виал по началу отказывался от горячего, вспомнив, что за ужас ладены едят. Обычно это жидкая каша из бобов, потрохов и крови. Вкус у нее соответствующий. Ладены едят это по большей части, чтобы показать свою удадь, но такая каша действительно полезная. В их ремесле необходимо правильно питаться.

Для гостей сварили бобовую кашу, потолкли ее и обильно залили маслом. Ни сала, ни крепких специй, чему обмякшие гости были только рады.

Набив животы, Виал некоторое время подремал, пока не понял, что головная боль отступила. Совсем чуть-чуть. Сил хватило, чтобы осмотреться. Гостю тут же под нос сунули кубок с разбавленным вином.

При виде вина Виал испытал дурноту, но Китор настоял, чтобы гость выпил.

Жидкость оказалась легкой, кисловатой на вкус. В самый раз, чтобы немного взбодрить живот, но не заставить его выплеснуть содержимое.

– Полегчало? – добродушно спросил Китор, хлопнув Виала по плечу.

– Право же, мне в кандалах было легче, чем с вами.

– Гостеприимство данаев известно. А мы люди простые. Веселимся, как наши предки.

– Хоть без драк обошлось.

– Ты так думаешь?

Китор указал на синяки у Виала, на ободранные костяшки его правой руки. То-то конечности болели, а ощущение было такое, словно его медведь ломал.

– Ты отменно повеселился, моим ребятам понравилась твоя удадь.

Виал мог только кивнуть, языком ощупывая зубы. Как всегда, уцелели. Не случилось еще драки, в которой Виал потеряет зубы. Слишком они прочные для чужих кулаков и даже дубин.

Его спутник выглядел не лучше, хотя в драках не участвовал. Не мог припомнить, что вообще вчера происходило. Где-то в горах его настиг отряд ладенов, поймал с помощью какой-то хитрой штуки. Что было дальше, не помнил.

– Пройдусь, растрясу голову, – сказал Виал, поднимаясь.

Ноги держали хорошо, словно качка попадала в такт шагам. Пройдя до рулевых весел, Виал кивнул кормчему и взглянул на пенный след корабля. Судно шло быстро, несмотря на противные ветра. Помогала низкая осадка, длинный корпус и хищный нос с тараном. Кормовые волны были невысокими. Чем-то напоминали порез от острого ножа.

Выглядело это красиво, завораживающе. Давно Виал не видел подобного, соскучился по мощным и быстрым кораблям. Новый образ жизни лишил его возможности ходить на скоростных судах. А ведь душа требовала этого, хотелось ощутить скорость.

Порадовало и то, что на привязи за пиратским кораблем шла лодочка гостя. Других шлюпок не было, словно ладены не рассчитывали спастись с корабля. Впрочем, это разумно. Ведь их судно приспособлено к каботажному плаванию, ему требуется скорость. А мелкая лодочка на привязи мешает.

Пиратский кормчий морщился, но не прогонял гостя. Ему не нравилась компания чужака, пусть почетного гостя Китора. Это место – вотчина кормчего, и никто другой не смеет на нее подниматься.

Виал подумал, что следует познакомиться с кормчим. Они смогут найти общий язык. Ведь Виал водил не один десяток судов. Был не просто навклером, а сам держал в руках рулевые. Вот и мозоли на его ладонях не только от весел и меча.

Не сейчас, пиратский кормчий явно не расположен к беседам. Виал его понимал. Должность кормчего чуть ли не священная, а посторонние отвлекают рулевого от общения с духами корабля и моря.

Кормовая надстройка на корабле была небольшой. Там под палубой можно прятать ценный груз, оружие. Припасы были распределены по всей длине судна. Палубы оно не имело, Виал изучил штевни.

Старый тип конструкции, оправданный для пиратов. У боевых судов имеется палуба – чтобы защитить гребцов от стрел и дать место для морских пехотинцев.

На баке тоже была надстройка, где крепились абордажные мостки и могли расположиться лучники. Это судно так не походило на судно Арса, что Виал сразу проникся уважением к ладену. Судно Арса было компромиссным вариантом, несло в себе особенности торговых и боевых судов. А так же их недостатки.

Пиратский корабль рожден, чтобы настигать дичь, вырывать кусок и лететь прочь. Он умел таиться среди рифов, забираться в широкие речные устья, грозя поселенцам.

Два десятка рядов весел одинаково вспенивали воду. Гребцы работали слажено, подчиняясь тихому ритму флейты. Начальник гребцов расположился в тени у кормовой надстройки. Офицер закрепил флейту с помощью перекрещивающихся лент, чтобы не раздувались щеки от игры на инструменте.

Бросив косой взгляд на гостя, начальник гребцов кивнул. С ритма не сбился, что указывало на опыт.

– Отменно работаете, – позавидовал Виал.

Гребцы профессионалы в отличие от тех, что были с Арсом. Честно сказать, Виал не смог бы найти лучших людей для себя. А ведь он считался одним из лучших навклеров, под его командованием всегда оказывались первоклассные люди.

Ладены поколениями осваивали морскую науку. Сложно найти народ, равный им по мастерству.

Под кормовой надстройкой начинался канат, тянущийся до носа. Канат обеспечивал продольную жесткость кораблю, а так же за него можно было держаться.

Это необходимо, потому что проход завален припасами, инструментами. Так же тут лежала мачта, чей брус выбелен ветрами и сотнями ног. Мачту пираты ставили редко, лишь когда возвращались в безопасную гавань с попутными ветрами.

На сколько знал Виал, многие ладены вообще не ставят на суда мачты. Их корабли не предназначены для дальних переходов. Так зачем тянуть лишний груз?

Мачта, скатка паруса а так же бухты канатов загромождали проход. Виал легко, несмотря на качку и похмелье перебрался на бак. Гребцы бросали на него слегка удивленный или недовольный взгляд. Их ожидания не оправдались, гость не помешал никому и легко, едва касаясь рукой за канат, добрался до надстройки.

Здесь расположился впередсмотрящий и Китор. Навклер пиратов словно намеренно покинул корму, чтобы проверить удаль гостя. Тот не обманул, смог добраться и доказал свои навыки.

Китор никак не прокомментировал успех Виала, сразу спросил:

– Я знаю Циралис, но путь к нему неблизкий.

– Нам придется пройти через Тринакрию, – кивнул Виал. – Зайди южнее, через цепь Рухнувших островов.

– Гиблые места.

– Я этот путь проделываю каждый сезон. Уверю, кроме течений нам ничего не грозит.

– Мой кибернетес не знаком с тамошними течениями.

Виал поморщился, услышав термин на данайском. Сложно требовать от ладена, чтобы он на родном гостю языке называл офицеров.

Слова Китора не были пустым замечанием. Он словно намекал на очередное испытание. Виал покачал головой, сообразив. Ему ли бояться тяжелых весел. Управлять длинным кораблем ему давно не приходилось, но повторить науку требуется. В ближайшее время придется сменить тяжелые суда на легкие и маневренные.

– Не знаю, доверишь ли ты править упряжкой твоей, – Виал пожал плечами.

– Я могу доверить, но мой товарищ, – Китор указал на кормчего, – не рад будет этому. Кибернетес Клеомп никому не уступит скамьи своей.

– Я уж договарюсь.

Попробовать никто не запрещал.

Но прежде, чем они доберутся до островов, западной границы Тринакрии, необходимо установить направление на них. Виал указал на положение светила, сделав, конечно, поправку на то, что они идут с востока, а не юго-востока. Ночью появится больше ориентиров. Китор знал, как именуют гирцийцы звезды, что глядят с небес на странников. Опять же пришлось сделать поправку на широту.

По представлению моряков, среди Рухнувших островов обитает древний монстр, что засасывает проходящие мимо корабли. Такое явление действительно имеет место быть, Виал знал, в чем секрет, но не объяснил Китору. Уверил, что они смогут проскочить опасный участок, если пересекут внутреннее море утром или вечером.

До островов путь займет два дня. Команде придется все время идти на веслах, пока они не начнут забирать на юг. Там уже необходимо осторожничать, иначе корабль убежит на запад, в Хомбат. Чего гирциец явно не желал.

– Полагаю, нам разумней идти на веслах, – сказал Китор.

– Я вообще удивлен, что ты сразу отправился в путь, не обговорив со мной маршрут.

– Зачем мне? Ведь я знаю, где Циралис. Ты лишь указать мог легкий маршрут.

Справедливое замечание. Чтобы не натирать мозоли на руках, можно было уйти на восток, а там дожидаться подходящего ветра. Только ждать пришлось бы месяц.

Удивляло Виала, что пиратский навклер так сразу принял решение о пути в Гирцию. Вроде бы союз они заключили, но все это выглядело так нереально. Ведь они только вином да кровью скрепили союз. В нынешние времена это не лучшие скрепы для договоров.

Ладен отчаянный человек, не иначе.

Что ж, в его лице Виал нашел прекрасного компаньона. И сделает все возможное, чтобы коллегия приняла его.

Мотивы пирата туманны, да Виал не очень доискивался до правды. Его личные вещи – то награбленное у данаев, уже было роздано команде. Виал не сразу, но припомнил, что кроме совместных возлияний, драк, он еще раздавал свое пиратам. Потому они теперь смотрели на него вполне дружелюбно.

Вот само путешествие они воспринимали с меньшим энтузиазмом. Лишь ореол легендарных времен, придуманный Китором, мог поддерживать мотивацию гребцов. Офицеры на судне были верны лично Китору, потому не спорили с его решением. Сказочка о древнем родстве их вряд ли удовлетворила.

Скрытые разногласия в команде пошли ко дну. Может, потому Китор так торопился покинуть родные берега. Пользуясь полной властью в водах, он мог заставить своих даже в Бездну спуститься. Никто бы не возразил. Может быть.

Люди остались без добычи, и это они понимали. Виал пытался придумать, как бы порадовать их. Его средств едва ли хватит, чтобы заплатить команде. Лишь коллегия может поддержать эту ватагу, а значит, всех ладенов. Но сделают ли они это?

Путь на запад никогда не был легким. Гребцы сменялись четыре раза в сутки, толком поспать никому не удавалось. Уставал даже начальник гребцов, называемый здесь келеустесом. Виал на второй день предложил сменить его.

Бородач, который предпочел не называть своего имени, с сомнением взглянул на гостя, перехватил взгляд Китора. Только после этого он передал флейты и ремешки чужаку.

Виал уселся на место начальника гребцов, закрепил ремешки на голове и заиграл на флейтах. Получалось у него хуже, чем у офицера, но ритм он мог поддерживать. Это обеспечивало офицеру возможность отдохнуть, чем он тут же воспользовался.

Не имея практики, Виал быстро уставал. Он умел играть при необходимости, но делал это не как профессионал. Обычно поручал эту задачу одному из подчиненных. А тут приходилось самому работать, чтобы не опозориться. Виал играл на вдохе и на выдохе. Пару часов такой пытки выматывали не хуже, чем борьба с течением на веслах.

Припомнив, что у Эгрегия могло бы получиться лучше, Виал взгрустнул. Чуть не сбился с ритма. Его товарищ был пастухом, потому неплохо играл.

Виал жалел, что на его судне редко выпадала нужда в игре. Эгрегий лишь иногда развлекал команду музыкой.

Мустиф, к сожалению, не обладал подходящими навыками. Потому он почти все время сидел на месте, стараясь не раздражать ладенов. В этом он преуспел, ведь прошел большую практику у своего хозяина Арса.

Завоевав доверия начальника гребцов, Виал принялся обхаживать кормчего. Тот оказался не таким несговорчивым, как казалось. Лишь поначалу он недовольно глядел на гостя, не доверяя рассказам.

– Онагру место в горах, а не на скамье кибернетеса, – порой перебивал он Виала.

Звали его Клеомп, своим ремеслом он занимался уже лет двадцать. Давно мог бы пересечь на собственное судно, но не делал этого. Как понял Виал, из уважения к роду вождя. Эти два семейства издревле связывали узы, потому кормчий не покидал скамьи.

Переманить его Виал хотел, но не видел возможности. Пока жив Китор, этого сделать не удастся. Да и после смерти вождя, Клеомп останется верен роду патрона. Ему не резон

покидать родные земли, чтобы отправляться в Гирцию. Но истории про западную страну он слушал с интересом.

Виал давал общее описание, хотя его собеседник пытался выудить сведения о проливах, безопасных гаванях, течениях.

– Послушай, – Виал улыбнулся, – ведь я такие сведения все равно не сообщу. Не пытайся играть со мной.

– Разве я играю? – словно удивился Клеомп.

В глазах его сверкали искорки, а лицо оставалось невозмутимым.

– Ведь мы идем к твоему городу, мне необходимы сведения, – закончил он.

– Ага. Так я тебе их сказал. Ни один кормчий не поделится своими секретами. Если не назовут подходящую цену.

Виал с интересом взглянул на Клеомпа. Тот покачал головой и улыбнулся.

– В таком случае мы в тупике, – сказал кормчий.

– Это вряд ли. Я могу взять рулевые в свои руки.

– Вот это уж вряд ли!

Не столько гнев, сколько страх отразились на лице кормчего. Само предложение было абсурдным, пугающим. Ведь чужак не знает духов корабля. И есть риск, что неумелое вождение иноземца приведет к катастрофе. Не говоря уже о статусных проблемах.

– А у тебя есть выбор? Я знаю эти воды лучше, чем ты.

– Даже не проси! Никто и никогда не вставал на мое место. Пока я жив, пока наше судно...

– Уймись, – Виал отмахнулся. – Мне ни ваши души, ни ваше судно не нужно. Вы сами по себе отменно справляетесь. А вот у Рухнувших островов тебе придется слушать моего совета.

Даже держа руку на планшире, Виал чувствовал вибрации, что передавались от волн. Скорость, направление, сопротивление воды – все это он мог прочесть. Не столько сознательным усилием, сколько рефлекторно. Не обязательно держать руку на валке весла, чтобы чувствовать море и судно.

Хотя взять эти тяжелые весла все же хотелось.

– Отправляться туда, – Клеомп покачал головой. – Смертельно опасно. Это гиблое место.

– Посмотрим.

Виал пожал плечами и спустился с надстройки, подарив собеседнику много тем для размышлений. Попробуй его переубедить, так сочтут за наглеца, который хвастает тем, что никогда не видел. Может, часть команды поверила в сказку Китора, но только не кибернетес.

А Виалу не столько хотелось переубедить сомневающихся, сколько просто поработать.

Работа начальника гребца хоть и почетна, но лично для Виала неприятна. Слишком много требует усидчивости, сидишь на месте, как изваяние. Потому чуть позже Виал занял место среди гребцов. Это помогло установить связи с командой, заодно показало его в работе.

Ничто так не ободряет простых моряков, как вид командира, сносящего все трудности пути наравне с ними. Гость на корабле не имел никакого официального статуса, то и марасть руки он может спокойно.

Работа на веслах тоже требовала усидчивости, но при этом работала не столько голова и глаза, сколько мышцы. Вскоре Виал отключился, захваченный ритмом флейты. Посторонние шумы отошли в сторону, мир сузился до минимальных размеров. Перед носом были руки с выглаженным до блеска веслом, на соседней банке блестела выгоревшая спина гребца.

Мир сузился до нескольких точек, одной из которых была задница. Хоть Виал подложил подушку, но все же от нескольких часов гребли задница и поясница разболелись.

Лишь плечи и руки с приятным жаром продолжали одинаковые движения. Сначала легкие подъемы весла, потом тяжелые, медленные гребки в воде. Быстрый и медленный, летящий

и тянувший, ощущения передавались душе, вселяя в нее спокойствие. Душа словно отделялась от тела, становилась частью большого судна.

Это чувство больше нигде не испытываешь.

Корабль защищал людей, но не мог жить без них. Это симбиоз. И оказавшись на веслах, Виал становился частью корабля. Его пот и кровь смешивались с потом и кровью других моряков, что служили на судне, потом впитывались в дерево.

Лучший путь, чтобы стать частью команды.

Заодно это помогало держать мышцы в тонусе. На той тяжелой лодочке, что сейчас трепыхалась на волнах позади длинного корабля, Виал не мог так напрячься и в то же время забыться.

Там ему приходилось не только грести, но и следить за горизонтом. Следить за норовистой лодкой. Тут же его жизнь зависела от навыков кормчего, начальника гребцов и навклера. И они не подвели.

Виал менялся чаще, чтобы дольше сидеть на веслах. Это испытание выматывало, стягивало мышцы в жгуты, словно на баллисте. Почти до самых островов Виал не отдыхал.

Работа помогала не только натренироваться, но и защищала от лишних вопросов. А команда, видя рвение, гостя проникалась уважением.

На третий день пути, когда в дымке на северо-западе показались черные скалы, Виал уже не занимал место среди гребцов. Китор не послушался на советы, напомнил, что перетруждаясь, успеха не добиться. Виал это прекрасно знал, потому сейчас отдыхал, налегая на размоченные бобы.

Горячего они давно не едали.

– Нам потребуется день или два, чтобы отдохнуть, – сказал Виал Китору.

Они расположились на баке, вглядываясь в серую дымку. Солнце направлялось к горизонту, мир тонул в вечерних сумерках. Характерный запах островов, который иногда можно учуять, придавал путешествию мистическую окраску.

Сквозь дымку пробивался один единственный луч, отраженный от развалин.

– Уверен, что мы сможем найти пристанище на островах? – шепотом спросил Китор.

– Сомневаешься во мне, так иди к внешним островам. Там угрозы только от оползней и волн.

– Не желаю рисковать. Твое предложение не менее рискованное, чем стоянка на внешней стороне.

– Тогда иди на запад, огибай острова и несись к Требулам!

– Боюсь, автократор Требул не обрадуется нам.

– Вы ведь не грабить пришли.

– И не торговать, так зачем явились, спросят таможенники.

Китор уточнил, где на внешней стороне можно устроить стоянку. Виал указал два из четырех возможных направлений. До пляжей рукой подать; плохо, что длинному судну на них придется тяжело. Придется ставить корабль в трех корпусах от острова, чтобы ни волны, ни камни не разбили его. Команду высаживать по очереди, вот и пригодится лодочка Виала. Потребуется десять рейсов, а судно останется на виду...

– Я понял, – Китор поднял руку, останавливая гостя. – Доверюсь. Раз прислушивался к твоим словам, не буду глух на сей раз.

– Вот это верно. Я ведь тоже не хочу вниз.

– Клеомп не уступит, – напомнил Китор, словно спрашивая, как гость намерен вести корабль.

Почему ладен готов рискнуть, Виал понимал.

Острова слывут опасными; народы Обитаемых земель населили их чудовищами. Увидеть все это своими глазами – вот чего хотел Китор. Он гнался за славой.

Виал, показывая, путь внутрь как бы расплачивался за проезд.

И еще – на островах есть развалины Древних.

Поживиться там нечем. Нет сведений, кто построил дворцы и храмы. Были это люди или гиганты, кто вспомнит.

– Мне достаточно указать ему, он будет моими руками.

– Когда мы бросимся к островам?

– Уже, сейчас идеальное время.

Серный запах в воздухе смущал Виала, хотя вулканическая активность на островах постоянна. Потому местные родники, ручейки все сплошь горькие. Вода в них ядовитая. Редкие растения могли закрепиться среди развалин и камней.

Вообще удивительно, что некие люди обитали здесь в древности. Острова казались совершенно непригодными для жизни.

Виал вернулся на корму, по пути кивнув Мустифу. За последние дни им не доводилось пообщаться, хотя парень то и дело подходил к гирцийцу с вопросами. На судне парню не с кем провести время, его все игнорировали.

Сейчас у Виала не было времени, чтобы болтать со спутником. Потому он, не мешкая, поднялся на корму, встал перед Клеомпом. Старался не закрывать обзор кормчему. Виалу тоже требовалось следить за водой, что разрезает судно своим тараном.

Давно ему не доводилось управлять длинным судном. Нос находился чуть ли не в ста футах впереди, угадать, что внизу казалось невозможно.

Указав кормчему направление, Виал подправлял его. Сам не касался валков.

Внизу, глубоко в темных водах скрывались обломки строений, что некогда украшали короной единый остров. После древнего катаклизма остров осел, его центр обрушился, образовался круг, в центре которого бурлит водоворот.

Для ладенов это было пристанищем чудовища, а для торговцев из Циралиса – кальдера вулкана. Знания помогали гирцийцам, но не защищали их от гнева земных сил. Ведь вулкан все еще действующий.

На это указывал сернистый запах, разлитый в воздухе.

Не видя, что впереди, Виал все же чувствовал, где сейчас находится судно. Прореус кричал с бака, указывая на мели. Судно проскочило между островами, что черными громадами возвышались по обе стороны. Шли не по центру, а ближе к северному острову. Порой Виал заставлял менять галсы, казалось, бессмысленно прыгая в проливе.

Пена, водоросли да буруны воды указывали на мели.

Клеому пришлось сосредоточиться на управлении, потому что течения пытались вырвать весла из рук. На запястья он набросил кожаные ремни, а Виал ему под руки порой сыпал мелкий песок. Кожа от песка быстро слезла, покрывалась волдырями, рулевые весла теперь смачивались не только потом, но и кровью.

Наверняка кибернетес ругал себя за решение, лично вести судно.

Не смотря на эти сложности, они прошли в пролив не чиркнув о мели, хотя некоторые из них проходили в опасной близости, на что указывал окрик впередсмотрящего.

Порой Виал командовал поднять весла, чтобы судно по инерции проскочило через узкий перешеек. Гребцы поднимали весла, глядели в воду у борта. Замечали как под водой проплывают чьи-то бледные лица.

Молитвы, возгласы ужаса, но моряки не бросали весел. Теперь-то им деваться некуда.

Виал украдкой ухмылялся. В молодые годы он нырял здесь, в поисках сокровищ и бронзы. Под водой порой встречались статуи, чьи лица сейчас наблюдали моряки. Течения смывали водоросли и ракушки, чтобы бюсты оставались чистыми. Вода все равно искажала лица древних.

Поднять мраморные статуи не удалось, и никаких сокровищ там не было. Виал находил не драгоценные камни, что служили статуям глазами, а следы от ножей таких же грабителей, как он.

Не одно столетие статуи покоятся на дне. Богатства древнего города привлекали сотни авантюристов. Уже все утащили. Потому руины стояли нетронутыми. Они просто никому не нужны.

Если бы тут поселились крестьяне, они бы давно разобрали древние камни, чтобы построить сарай. Сейчас только пираты используют древние камни для устройства стоянки.

Говорить о таком ладенам, Виал не собирался. Пусть это место остается пристанищем духов, а не чужаков. Лишь гирцийцы, да тринакрийцы рискуют забираться сюда.

Опасный участок был пройден. Судно оказалось во внутреннем море.

– Бери на север, пойдем в двух корпусах от ближайшего острова, – сказал Виал кормчему.

Тот бросил испуганный взгляд на центр внутреннего моря. Там над водой поднимался пар, пузырьки воздуха. Серный запах усилился.

– Не беспокойся, сука спит, – ободрил Виал и направился на бак, где находились Китор и прореус.

Кормчий проводил гостя испуганным взглядом. Казалось, он не хотел, чтобы его оставляли одного.

Проходя мимо Мустифа, Виал сказал ему, чтобы позаботился о Клеомпе.

– Кормчий поранил руки, омой валки весел. Повязки наложи на руки, как сможешь. Не забудь в уксусе отмочить.

– Он не прогонит меня?

– Сейчас нет. Ему нужна компания.

– Эти места...

Мустиф выглядел испуганным, но любопытство брало вверх. Он понимал, что если гирциец сохраняет спокойствие, то все идет по плану.

– Места древние, – согласился Виал, – древние и могучие силы тут дремлют. На нас, мелкоту, они не обратят внимания. Если не будем глупить.

Товарищ кивнул, вооружился ведром с морской водой и тряпками, чтобы помочь Клеомпу.

Добравшись до бака, Виал поприветствовал Китора. Слово они не виделись день, хотя прошло от силы полчаса.

Солнце зашло; черные острова вокруг поблескивали в закатных сумерках. Свет выглянувших звезд отражался от обсидианового песка.

– Я поражен, гирцийский брат, – прошептал Китор.

Он не скрытничал, а страшился ранить благоговейную тишину этих мест.

О движении судна говорили лишь плеск волн, вздохи людей и скрип дерева. Острова не спали, переговаривались на все лады, выплескивая из расселин ядовитый дым, заставляя воду в ручьях кипеть.

Пар вползал на берег, сворачивался, подобно змее. Из дымки на людей словно глядело нечто.

– Не беспокойся, – ободрил Виал. – мы зашли, сможем и выйти.

– Мой прореус тебе не потребовался!

– Я прислушивался к нему. Не один десяток раз тут бывал. Проходил как с севера, так с юга.

– Что же ты тут искал?

– Как и ты – славы, богатства. А так же тешил любопытство.

Он указал на потемневшие вершины островов. Там среди черноты пепла и камня, сохранились белые колонны и красные стены. С них давно облетела краска и побелка. Обнажился нагой мрамор, грубый кирпич.

– Я хочу это увидеть, – сказал Китор.

– Достойное желание. Я проведу тебя на вершину. Но для начала нам потребуется отдых. Два дня. Китор согласился с Виалом.

Для Виала это будет не только отдыхом, но и возможностью размять ноги. Пусть на скамье у гребца задействованы все мышцы, пройтись не помешает. Отдыхающая команда за это время сможет поглядеть на чудо Рухнувших островов. На того самого монстра, затягивающего все, что окажется поблизости.

Судя по активности, уже завтра водоворот можно будет разглядеть. Вулкан иногда плюется. Удастся внушить ладенам, что чудовище живет здесь. Моряки оценят, что Виал не побоялся сюда прийти и привел их с собой.

Но для начала следовало найти безопасную гавань. Что в ночном мраке сделать не так-то просто.

Для длинных судов внутри островов не так много подходящих стоянок. Но на севере отсюда есть безопасное место. Да и развалины там интересные. После древнего катаклизма они сохранились лучше остальных. Уцелели только камни, а сокровища да другое барахло растащили грабители.

Клеомп умело направлял судно по курсу, точно выдерживая указанное расстояние. Прошло полчаса, о чем мог Виал судить по игре начальника гребцов. Удобно отмерять время по флейте.

Пора приступать к маневрам. Виал вернулся на корму

Теперь уже Клеомп без возражений отдал рулевые. Спорить с безумными течениями он не собирался. Полностью доверился мастерству иноземца. Во взгляде Клеомпа читалось уважение, но не как равного к равному, а к мастеру большего порядка.

Руки кормчего были забинтованы. Мустиф смог позаботиться о нем.

– Останься, и ты, парень, тоже, если что сможете, многие течения требуют аж трех пар рук.

Виал поднялся на место кормчего, накиннул на запястья ремни и положил ладони на горячие валки. Судно даже не вздрогнуло, наоборот, пошло мягче, уверенней. Подумав, Виал приказал начальнику гребцов прибавить ритм. Тот чуть сбился, услышав сомнительный приказ.

Если уж кибернетес доверился чужаку, гребцам не о чем беспокоиться.

Судно ускорилося, люди громкими выдохами оглушали окрестности. Наверняка перепугали всех окрестных духов. Виал только улыбнулся. Давно эти скалы не слышали подобного шума.

Полсотни глоток, десятки весел и песня флейты.

Валки в руках норовило вырвать, но Виал уверенно держал рулевые. Словно прирос. Приходилось стоять, чтобы ногами отталкиваться от палубы. Два рулевых весла стали продолжением рук. Виал чувствовал теплые воды, что омывают лопасти весел. Вода тут горячее, чем на внешней стороне. Подземный огонь нагревает, создает чудные течения и ответственен за другие явления.

Все это привычно, знакомо. Лишь судно чужое. Дух корабля так же доверился незнакомому кормчему. Ведь и судно впервые в этих водах.

Лопасты прорезали дымящиеся воды, оставляя за кормой четкие линии и пенистые волны. Впереди был опасный участок, множество рифов, выступающих из воды обломков. Низкая осадка позволяла пройти там, где другие корабли не рискнут. Приходилось учитывать длину судна.

Виал справился. Хоть десять лет не управлял длинным кораблем, но оказавшись на месте кормчего все вспомнил. Тело не утратило навыков, приобретенных с таким трудом за годы ученичества, вождения хищных судов и, само собой, гражданской войны.

Подходящая гавань находилась дальше от того места, где Виал в прошлом году останавливался. Храмовые камни, возможно, заинтересовали бы Китора, но идти туда не имело смысла.

Стоянка оказалась незанятой, что уже радовало. Не сказать, что во внутреннем море Рухнувших островов часто встречаются суда, но все же такое случается. Вот Китор теперь знает об этой стоянке.

Гавань была укромной, образованной пологим склоном, засыпанным красным гравием. Все это были остатки жилых строений, разрушенных на острове. Уцелели лишь руины на самой вершине. Город, что располагался здесь в древности, оставил о себе не так много напоминаний.

Со своего места Виал видел, как навклер ладенов забрался на планшир, держась за форштевень. Держался он легко, как всякий человек, выросший в море.

Подходы к гавани были ограничены завалами камней – естественный волнолом. Все это остатки общественного сооружения. Ведь камни были крупными, не кирпич. Открытый с запада и востока остров защищен от сернистых выделений, вулканическая активность в этой части не происходит. Лишь колебания земли могут угрожать путешественникам.

Красные осколки на дне придавали воде особый цвет. Среди камней сновали крабы, креветки и мелкая рыбешка. Спокойные воды приманивали жизнь.

Жирные водоросли заполняли чуть ли не все пространство.

– Ха! – воскликнул Клеомп, смотрящий за борт. – Не составит труда уйти.

– Да, водоросли не успевают затягивать тропу.

– А в других местах?

– Там крупные камни, намытые мели. Ручьи тут не стекают, но течения сформировали свой рельеф.

Клеомп покивал. Он старался запомнить путь. Виал готов был поспорить, что ладену удалось это.

Самое сложное – найти эту гавань, среди рифов и утопленных развалин. А путь к берегу уже не составлял труда.

По команде Китора, гребцы остановили судно, а свободные моряки принялись бросать якоря: два с кормы, один с носа. Шлюпка, шедшая на привязи, стукнулась о борт корабля. Виал взглянул на нее, заметил, что на дне скопилась вода. Не так много, возможно, это брызги волн, а не течи.

Виал передал валки Клеомпу и направился на бак. Все равно рулевой сейчас не требовался. Клеомп просто поднимет весла и закрепит их.

Гребцы так же закрепили весла в всячем положении, чтобы вода стекла с лопастей. Кожаные фартуки защищали уключины от влаги. Солнце и ветер подсушат весла, затем их уберут.

Пока судно зафиксировалось в гавани, подобно лебедю с поднятыми крыльями. Правда, ладены не использовали никаких судовых украшений. За редким исключением на их судах можно было увидеть коня или рыбий хвост.

Китор остановил судно ровно там, где это бы сделал Виал – в десяти футах от берега. Бронзовый таран казался больше, чем он есть, прячась под водой. Длинные его клыки почти касались красного песка.

– Похвальная точность, – сказал гирциец.

– Ты сомневался во мне?

– Как и ты во мне.

Они оба ухмыльнулись и синхронно кивнули.

На дне виднелась борозда, проделанная сотнями, тысячами судов, что вытягивали тут на берег. Часть битого кирпича превратилась в песок, что отчасти помогало счистить с кили ракушки и наросты.

Глубина в два фута. Уже можно дойти до берега. Не дожидаясь команды навклера, многие ладены попрыгали за борт.

Виал покачал головой. В пиратских ватагах обычно порядки даже хуже, чем на судне Китора, и все же такое нарушение дисциплины не могло не раздражать. Китор не обратил на это внимания.

Он разглядывал берег, пологий склон из битого кирпича. Этот склон упирался в вертикальную стену, на которой видны цветные прожилки. Во время катаклизма остров раскололся, часть его обрушилась, осыпалась в море. Так образовалась эта гавань, этот пляж из красного гравия.

Уцелела небольшая часть города, развалины торчали на склоне словно гнилой зуб.

На черном базальтовом основании выделяются строения. Несколько одноэтажных домов, остатки общественного сооружения. Большинство колонн обрушилось, их не видно. Кровли не уцелели нигде, что немудрено. От жилых домов остались только первые этажи. Хотя там мог быть и второй, и даже третий этаж! Причем не из дерева, а из кирпича.

Виал, когда бродил по развалинам, не нашел ни одной досочки. Зато полно было кирпича, камня, черепичных осколков. Побелку со стен давно смыло. Возможно, дерево сгнило или сгорело, а уголья смыло в море.

– За что этот город покарал Царь черновласый? – прошептал Китор.

Он не столько спрашивал, сколько удивлялся. Виал решил ответить.

– В те времена, когда стоял этот город, Энносигей еще в луже на востоке бултыхался.

Услышав имя бога, Китор вздрогнул. Как всякий моряк, он предпочитал не поминать имени божества в его царстве. Это бы привлекло ненужное внимание к кораблю и людям на нем.

Виал не боялся бога данаев.

– Это земли и воды принадлежат Хозяину, – сказал гирциец.

Во взгляде Китора был и вопрос, и сомнение. Про Энносигея он слышал, сам лицезрел его могущество, а про гирцийского бога услышал впервые от названного брата.

Виал не стал ничего объяснять.

После событий на юге, когда Виал познакомился с резчиками ближе, чем многие его соплеменники, он узнал много о своем покровителе. Теперь гибель древнего города на востоке Тринакрии не казалась ему такой уж загадочной.

Если провести воображаемую линию с севера на юг, то этот город окажется точно напротив руин резчиков. словно две бусины на одной нити. Неясным оставалось лишь причины, из-за которых эта нить порвалась.

Думал ли Китор о таком же, Виал не знал.

Сбросив тунику, Виал сиганул в воду. Плюхнулся не очень удачно, замочив и тряпки и отбив пятки о дно. В два гребка гирциец добрался до берега, вышел на сушу и отжал одежду, бросил в стороне, придавив камнем.

Вождь ладенов не покидал судно, ведь ему еще предстояло руководить швартовными работами. Но это ладены могли сделать и без иноземца, Виал решил пройтись по берегу да осмотреться.

Здесь он давно не бывал, но найденные следы говорили о многом. Мусор, черепки, размытые кострища. Судя по следам, тут чаще всего бывали пираты из Требул, что неудивительно. Гирцийцы почти не показывались, а уж гостей с востока точно не встретить.

Прибой обкатал кирпичные обломки, превратив их в мелкую гальку и песок. Среди обломков изредка встречались осколки керамики – уже современной. Древние предметы изредка выбрасывало море на берега. Да только ценность они не представляли никакой.

Живности на берегу почти нет, лишь сухие водоросли покрывали камни.

В сторону развалин шла тропинка. Чтобы подняться наверх, придется долго идти на запад. Отвесный склон не позволял взобраться на скалу прямо с берега. Потому пираты не обосновались здесь на постоянной основе, хорошее место для наблюдателя было поблизости, но забраться на него не так просто.

Наигравшись, ладены принялись вытягивать судно на берег. Для этого сначала пришлось завести шлюпку на сушу, развернуть корабль носом в сторону гавани. С помощью канатов и шестов судно развернули, а потом принялись тянуть. По песку он шел легко, причальные камни были выглажены, канаты в них скользили почти без трения. Но все равно канаты смазывались, чтобы продлить их срок службы.

Полсотни человек быстро управились с работой.

На суше судно закрепили канатами, шестами и камнями. Китор наконец-то ступил на землю, совершил возлияние местным духам, только потом принялся осматривать днище и киль.

Виал редко ублажал мелких духов, потому что его покровитель намного могущественней.

Пираты быстро, без команды начали обустривать лагерь. Отряд разделялся на группки по десять или пять человек, разбредались по окрестностям. Люди готовили еду, откупоривали амфоры с вином. Лишь костров не жгли. Плавуна не так уж много.

Офицеры по мере сил старались организовать пиратов. Китор не вмешивался и направился к Виалу.

– Пойдем? Я желаю увидеть руины.

– Так темень уже. С утра и отправимся.

Китор указал на тропинку.

– Путь не близкий, я гляжу. Так начнем же его сейчас, заночуем на тропе. Ведь нам ничто не угрожает в безжизненном месте?

– Ничто, кроме трещин и осыпей.

– Ночь безоблачная, дорога читаема. Перекусим позже, я захватил с собой снеди.

Он помахал котомкой, в которой было не так уж много пищи на взгляд Виала. Гирциец напомнил, что им потребуется много воды. Там восполнить запасы неоткуда.

Запасов должно хватить, решил Китор, к тому же ночной переход пройдет легче. В прохладном воздухе они не так сильно устанут.

– Пусть так, – смирился Виал. – Но ты будешь разочарован. Там нет ничего интересного.

– Лучше своими глазами увидеть, чем слышать рассказы. Веди!

Заметив уходящих, за ними устремился Мустиф. Парень просидел все это время на корабле, не находя себе занятия. На берегу он тоже не нашел, к кому приткнуться. Виал покачал головой, отмахнулся от кемилца. Тащить с собой еще этого, вот уж великая радость.

Но Китор встал на сторону юноши.

– Пусть идет с нами, раз желает. Он может нести припасы. Я взял достаточно. Хватит всем.

– Учти, нам сутки там бродить.

– Запасов хватит. А наши руки уместнее отягчать оружием.

Виал тяжело вздохнул, сам он не собирался тащить ничего режущего. Кроме небольшого ножа. Так уж и быть, раз ладен желает приключений, так он получит их. И будет разочарован. Наверху нет ничего кроме пепла, песка, камней.

Глава 4

Странники собирались уходить, но Анлаш настояла на том, чтобы они задержались на два дня. Слабые попытки отказаться она проигнорировала. Гости понимали, что необходим отдых.

Проспав до вечера, иноземцы оказались одни в хижине. Девушки нигде не было, казалось, она сбежала.

– Думаешь, она за мужчинами отправилась? – спросил Эгрегий, зевая.

– Оружие не забрала, – указала Хенельга.

Угадала, о чем подумал друг.

– Так что гостеприимство нашей знакомой не напускное, – резюмировала Хенельга, делая это в похожей на Виала манере.

– Такое ощущение, что мы не расставались с этим.

Эгрегий кивнул в сторону юга. Хенельга улыбнулась, напомнив, что кроме Виала и Эгрегия она не знала никого в гирцийском обществе. Немудрено, что начала повторять за ними.

Перед заходом жара резко спала. Ощутимо похолодало; ручей дышал ледяными испарениями. Запахи тоже изменились – ушел тяжелый аромат иссушенных трав, сменившийся едва уловимым легким ароматом. Лишь запах полыни никуда не делся.

– После дождя эта местность преобразается, – сказал Эгрегий.

– Нам бы не помешал дождь.

С этим можно поспорить, но Эгрегий так устал, что лишь кивнул. Очень хотелось есть, а копаться в чужих вещах стыдно.

Анлаш ушла встречать родичей, как это делала всегда. Заодно рассказала о гостях.

Степняки пришли с северной стороны, ведя небольшое стадо. Кроме девицы там было трое мужчин и женщина. Их цветастые одежды выделялись на фоне серой степи, отличаясь от простых одежд цивилизованных людей.

Рубахи и штаны плотно облегли кожу степняков, на головах остроконечные шапки. Пояса украшены костяными и бронзовыми бляшками, отражающими свет заходящего солнца. И у каждого был короткий лук, копьё, небольшие ножи.

Людям в пустоши приходится хорошо вооружаться.

Гости встали, приветствуя хозяев, обращаясь к ним и на гирцийском и на данайском. Степняки замахали руками в ответ, на лицах их читалась приветливость. Гостям они были рады и не помышляли ни о каком зле.

Вряд ли это влияние религии, просто рассказы чужаков становятся окном во внешний мир.

Анлаш скромно встала за спиной старших и хитро улыбалась. В разговоры она не вмешивалась, хотя держалась свободно. Не как женщины данаев.

– Добрые странники, – старый степняк обнял сначала Эгрегия, а потом Хенельгу, – рад видеть вас. Зовите меня Дуд из рода Теи.

Он поочередно представил своих родичей, которые оказались братьями. Представил свою жену, чей костюм от мужского отличался только богатством украшений. Лица степняков выгоревшие, лица изрезаны морщинами, смоляные некогда волосы поседели. Возраст самого старшего едва ли превысил возраст Виала, они еще не старые. Это земля выпила их соки.

Дуд пригласил гостей в дом, что-то сказал родичам.

Гостей расположили возле очага, сунули в руки по кубку с пахучей жидкостью. Эгрегий осторожно понюхал стакан, узнал запах, сквашенного молока со степными травами. Желудок довольно отозвался.

Хенельга следила за другом, только после этого осушила свой кубок. Напиток ей показался знакомым. Напоминало то, что кочевники Вии пьют.

– Ты знаком с нашими напитками, – отметил Дуд. – Ты из местных, как утверждал.

Эгрегий не особенно удивился, что патриарх уже в курсе.

– Давно не пил, забыл уже вкус.

– Мы угостим тебя, гость, прежде чем ты отправишься дальше. Поиск земли, где погребены предки, священный долг. Твой путь соткан богами.

Он еще бормотал что-то о травах, камнях и звездах, но Эгрегий не прислушивался. Напиток ударил в голову, легко пьянил, принятый на голодный желудок. К тому же степняк говорил то на данайском, то переходил на родной язык.

Слова казались знакомыми, но разобрать смысл едва удавалось. Либо память подводила, либо диалект незнакомый. Язык мог указать путь не хуже, чем самый дорогой перипл, купленный у моряков.

Анлаш разожгла костер, установила треногу с бронзовым котелком. Это гордость семьи, котел откапывали только по особым случаям. Сосуд был украшен полосами, что змеились по бокам. Орнамент замыкался сам на себя, переплетался по пути, выстраивая замысловатые узлы. Сама по себе техника простая – прочерченные в металле канавки, но даже в таком простом изделии, мастер постарался выразить свое понимание красоты.

В котелке начала закипать вода. Анлаш уже рубила капусту, редьку, чтобы отправить все это в воду. На улице послышался визг козы, которую забили для праздничного пира.

Пока мужчины занимались мясом, Анлаш с матерью готовила похлебку, гости разговаривали с патриархом. Подготовка к пиру всегда долгая, беседа затягивалась. Степняк мало, что мог сказать Эгрегию, ему больше интересна была история иноземцев.

К сожалению, Дуд не смог добавить к рассказу Анлаш что-то новое. Надежды на то, что патриарх лучше знаком с местностью разрушились. Но он тоже предложил Эгрегию разбавить кровь его рода. По-варварски прямо и без танцев вокруг.

Спутница коротко кивнула, искоса глядя на друга, но тот, даже получив разрешение, все же отказался. Чтобы степняк не обиделся и не замыслил чего-нибудь, Эгрегий сказал, что поклялся сохранять чистоту, пока не найдет землю предков. Подобный прием всегда помогал. Главное мыслить так, как собеседник – этому приему тоже научил Виал.

Проклятый торговец со своей наукой даже в степях помогает выжить. Варвары монет не видали, а все равно подчиняются тем же законам. Виал мог бы посмеяться, сказал бы, что так и должно быть.

Пир оказался отменным. Похлебка вышла наваристая, жирная, что в самый раз для путников, прошедших с самого юга.

Выжить в пустоши смог бы не каждый. Потому-то степняки так заинтересовались чужаками, а в особенности их кровью.

Непривычный вкус похлебки вскоре перестали замечать. Помогал кислый напиток, которым угощали степняки. Эгрегий пытался припомнить что это, но память подводила. В детстве ему не давали подобного. Хотя вкус в чем-то показался знакомым. А пару кружек спустя, уже никто не задавался вопросом, что они пьют.

Диковинные страны, неизвестные народы – для варваров все это казалось вымыслом, если бы не иноземцы перед ними. Подобные встречи случаются редко, рассказы о них передаются из поколения в поколение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.